





# КЯЗИМ



## РАЗУМ И ГОЛОС

*СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ*

*ПЕРЕВОДЫ  
СЕМЕНА ЛИПКИНА  
И  
ГЕОРГИЯ ЯРОПОЛЬСКОГО*

НАЛЬЧИК  
«ЭЛЬБРУС»  
2009

УДК 821.512.142 – 1  
ББК 84 (2Р-Балк)  
М 557

*Составитель*  
*А. М. Бегиев*

**Мечиев К. Б.**

М 557      Разум и голос: Стихотворения и поэмы:  
Пер. с балк./ Сост. А. М. Бегиев; Вступ.  
ст. К. Ш. Кулиева; Пер. С. И. Липкина  
и Г. Б. Яропольского. – Нальчик: Эльбрус,  
2009. – 240 с.

ISBN 978-5-7680-2267-9

Творчество классика балкарской литературы Кязима Мечиева (1859–1945) представлено в сборнике стихотворениями разных лет и поэмами «Раненый тур», «Желтый кош» и «Бузжигит» в переводе на русский язык.

Издание приурочено к 150-летию юбилею выдающегося поэта и мыслителя.

УДК 821.512.142 – 1  
ББК 84 (2Р-Балк)

© Бегиев А. М. Составление,  
2009

© Издательство «Эльбрус»,  
2009

ISBN 978-5-7680-2267-9



## ТАЛАНТ И МУДРОСТЬ

### 1

Каждый народ, независимо от его численности, прошел длинный путь. У каждого большая жизнь, большая судьба, большая память. Каждый терпелив и мудр.

Не составляет исключения и немногочисленный балкарский народ, живущий в ущельях и предгорьях Центрального Кавказа, между Эльбрусом и Казбеком, одна из коренных национальностей Кабардино-Балкарии.

Кязим – крупнейший поэт Балкарии. Он мало еще известен за пределами родного края. Но это обусловлено многими причинами.

Никогда не забуду мою поездку в горы летом 1940 года. Тогда со мной были московский художник и литератор. Мы приехали в аул Безенги. Выше машина подняться не могла. Над ним висели снежные горы так близко, что мне подумалось: если подняться на вершину знаменитой Дых-Тау, надеть бурку и, раскинув ее полы, броситься вниз, то упадешь прямо в этот аул. Нам нужно было идти в Шики. Там жил человек, который вошел в мою жизнь с самого моего детства. Я обожал его.

Детишки играли на плоских крышах, как при Лермонтове. Когда наш проводник, мальчик лет десяти, привел нас к маленькому дворику, а сам вошел в дом, оттуда вышел хромящий старик, опирающийся на большой посох. Это и был Кязим Мечиев, хромой от рождения, один из лучших поэтов и мыслителей балкарских гор. Мои спутники, видевшие его впервые, сразу заметили, что этот человек с лицом крестьянина и мудреца всем своим обликом естественно сливается с обликом род-

ных мест. Они очень скоро поняли главное в нем: благородство, мудрость и обаяние.

Чтобы лучше понять поэта, надо побывать на его родине, говорил Гёте. К этому надо добавить: чтобы лучше понять страну, необходимо читать ее поэтов. Конечно же, куда глубже понимаешь, чувствуешь и постигаешь поэзию Кязима Мечиева, побывав на его родине, пройдя по тем тропинкам, где он проходил на утренней заре или в вечерних сумерках, где он смотрел на белые горы и зеленые высоты, на крестьянские огороды, притихшую траву, на медлительных волов, идущих под ярмом. Даже молчащие камни здесь говорят о многом. Все здесь мне кажется книгой, которую раскрыл Кязим в последний свой вечер. Она так и осталась открытой, и я ее читаю, радуясь и плача. Да, родина всякого крупного поэта – всегда раскрытая книга, а поэзия – обнаженное сердце родной земли, оно остается вечно живым и праздничным, несмотря на следы горя и бед. Такова и судьба поэзии Мечиева. Еще в начале века он писал:

Багдад посетил я, увидел Стамбул,  
Я в Мекке от тягот пути отдохнул...

Но мне показалось, что вновь я родился,  
Когда возвратился в мой бедный аул.

Кто хочет коснуться живого сердца Балкарии, тот должен раскрыть кязимовскую книгу. В поэзии Мечиева, как и в народных песнях и поэмах, прежде всего мы видим честность, искренность и правдивость. Кязим наиболее полно выразил характер балкарского народа. В его поэзии живут гул свадебной пляски и рыдание женщин на похоронах. Она живописна и лаконична, как пословицы. В ней глубоки радость и боль. В ней выражены мудрость, трудолюбие, совесть и стойкость народа.

Кязим Мечиев называл себя послем — ходатаем народа. Все беды родины не миновали его сердца. Против произвола и насилия он протестовал перед людьми и богом:

Аллах, аллах, взгляни на горы!

В самом деле:

Их головы от бед и горя поседали!

Чтоб мой народ свободным стал навеки —

Помочь прошу я бога и людей.

Родина Кязима похожа на его поэзию. Когда я приехал в аул Шики, моим глазам открылся мир резких контрастов; белизна снеговых хребтов, зелень долин, шум рек и молчание камня, узенькие кривые улочки аула и широкие склоны, старое ослиное седло из дерева, печальный от усталости ослик с опущенными ушами и грызущий удила горячий конь под добротным седлом, задумчивые тропинки за аулом, а над ними тихие сумерки и рассветы, похожие на кизилковый отсвет. Такие же контрасты мы видим и в поэзии Кязима. Он сделал предметом изображения простые вещи наряду с трагически-высокими явлениями жизни. Он пишет о воробье, который снежным днем сел у него во дворе, и тут же — размышления о старости и смерти. Кязим создает раздумчивые строки о своем старом домике, у очага которого долгие годы слагал стихи, и поднимается до высот трагедии в поэме «Бужжигит». Поэт в незатейливых стихах обращается к своей корове, собаке, кувшину, а в поэме «Раненый тур» с большой и горькой силой выражает беды и боль старой Балкарии. В его поэзии соседствуют желтеющие чинары родных ущелий и песчаные аравийские степи,

серый камень и фазан с шеей цвета очагового огня. В ней одинаково сильны живопись и эмоция, мысль и предметный образ.

Кязим Мечиев имел чуткое сердце и меткий глаз.

## 2

Поэт жил на высокой и прекрасной земле. Он и сам похож на Дых-Тау – так он высится в родной словесности. Для нас он – гора, гора и зеленое дерево одновременно. Мечиев был слит с родной землей, лучше всех понимал ее язык и душу, душу пастухов и каменотесов. Он мог бы сказать о себе словами испанского поэта Антонио Мачадо: «Я ученик народных знаний». Выше всего горские крестьяне ставили справедливость и стремление к ней. Светом той же народной философии освещены и произведения Мечиева. Вот слова того же Мачадо: «Любовь к истине благородней всех иных». Кстати, Мечиев сказал почти то же самое:

Только правде словом я служу,  
Только правду чту, как госпожу.

В самые тягостные дни Кязим не терял веры в силу истины и добра. Утверждая, что жизнь тяжела, часто несправедлива и трагична, в то же время он никогда не отрицал смысл бытия:

Мир – тяжкая тропа, где скорбь и горе, –  
По той тропе чьи ноги не прошли?  
Мир – это взбаламученное море, –  
И чьи в нем не тонули корабли?

Сказав такие горькие слова, дальше поэт утверждает, что человек должен жить и трудиться несмотря ни на что. Кязим говорит, что мир, в котором мы живем, – наш отчий дом, наше благо и любовь:

Каким бы ты ни был горьким морем,  
Тебя мы любим, ты – наш отчий дом,  
Пускай тропа в снегу, – мы с бурей спорим,  
Сквозь вихрь и снег мы все-таки идем!

Нам дорого это мужественное начало в поэзии Мечиева. Кязим писал горькие стихи потому, что жизнь была такой, и поэт оставался верным действительности. Больше всего любя

радость, он часто писал с болью, как говорил сам, потому, что у простых людей на каждом шагу отнимали радость. А ему хотелось, чтобы ее было побольше. Вспомним его «Разговор со старостью» или строфы о любви и гибели прекрасного юноши Бужигита из одноименной поэмы, и станет ясно, что Кязим любил жизнь и потому ненавидел тех, кто ее коверкал, кто чинил насилие над людьми, неся им нищету, рабство и несчастье. Его злейшими врагами всегда оставались жестокость и произвол. Он поклялся никогда не смиряться перед ними и остался верным своей клятве.

Поэт знал, что насильники, отнимая все, не в силах отнять мысль и песню, мечту и надежду. Он оставил нам об этом замечательные строки:

У нас отнимают и поле,  
И хлеба голодный запас,  
Но сказки, но песни о воле  
Никто не отнимет у нас!

Коль не осталось другого оружия, поэт прибегал к слову правды и гнева. В горе и несчастье человеку помогают выстоять вера в

торжество справедливости и надежда. Мечиев принадлежал к тем, кто верил в их силу:

Но в правду веровать, как в хлеб насущный, будем,  
Надежду посохом избрав на радость людям.

Поэт старался вооружить мужеством и надеждой своих земляков – чабанов и дровосеков, тех, кто нуждался в поддержке. Его слово внушало достоинство и стойкость. Вот одно из его знаменитых на родине четверостиший:

Кругом жестокий вихрь, тяжелый снегопад,  
Но горы, как всегда, без трепета стоят.  
В годину бедствия, тревоги и невзгод  
Учись у наших гор, несчастный мой народ!

В мою последнюю довоенную поездку в Шики я и мои спутники жили у Кязима несколько дней. Мы видели старого поэта в его сакле, в кругу семьи, в кузнице, среди крестьян, видели его, занятого своими повседневными делами и заботами. И сейчас, когда я пишу эти строки, я представляю его идущим по улочке аула, сидящим на камне вечерними сумерками, беседующим с земляками на пло-

щади селения, неторопливо раскрывающим томик Хафиза в маленькой комнате с каменными стенами, где находились его книги и где в одиночестве он писал стихи.

### 3

Все в Кязиме вызывало уважение, все приковывало к нему пристальное внимание моих спутников-москвичей. Был такой случай. В сельском клубе устроили литературный вечер. Кязим сидел с нами за столиком на маленькой эстраде. Он читал первым, читал свои старые стихи, в которых тревоги и беды ночным снегом падают в дымоходы саклей горских крестьян. Кязим читал особенно. Другой такой манеры чтения стихов я не встречал. Еще до того приезда я неоднократно пытался имитировать его манеру чтения. Он смеялся: у меня ничего не получалось. На вечере в Шики, слушая Кязима, все плакали. Плакали старые неграмотные крестьяне и школьники. Затем стали выходить на эстраду один за другим старики и старухи. Они читали наизусть стихи своего земляка. Это не могло не удивить. Такое

встречается очень редко. Никакие статьи не могли бы красноречивее доказать истинную народность поэзии Мечиева. Его стихи жили, подобно пословицам, в душе народа, а не определенного круга читающих людей.

В те дни мы, праздничные и счастливые встречей с горами и Кязимом, не знали, что так близка война. Я не ведал, что больше никогда не встречу Учителя, что пожимаю его сухую руку в последний раз, что больше не удастся мне посмотреть в его глаза, в которых горел огонь поэзии. В его глазах – столетия, их муки, радость и боль. Его глаза смотрели на нас, как сквозь века, это были глаза народа – зоркие, чистые, полные мудрости и страдания. А улыбка Кязима! Даже старость не заставила ее потускнеть. Другой такой улыбки я не встречал больше в наших горах: улыбка ребенка и мудреца. И поныне я тоскую по ней. Изумительно улыбался этот человек, на долю которого выпадало много тяжкого горя.

Через много лет я снова увидел аул Шики. Аул, где он родился и прожил более восьмидесяти лет, был пуст, полуразрушен. Кязим умер в Талды-Курганской области Казахстана. Прекрасные глаза великого поэта гор за-

крылись в далеких степях. А ему так хотелось лежать в благословенной земле отцов – под сенью родных гор!

Гора Дых-Тау все так же белела вдали, речка, вся в пене, по-прежнему неслась вниз, дворик поэта зарос травой, за речкой перед аулом стояла полуразрушенная кузница, как и прежде задумчиво тянулись тропы, ведущие к пастбищам. Опять я увидел на рыжей скале и на зеленой траве тень пролетавшего орла. Удивительный горный мир, полный поразительных красок и величия, мир, воспетый Кязимом, снова сиял передо мною, как раскрытая вечная книга, не подвластный огню и мечу. А Кязима не было.

#### 4

Мечиев родился в 1859 году. Народ его в те времена не имел печатных изданий на родном языке. Кязим свои балкарские произведения записывал арабскими знаками. Он никогда не пел собственные стихи, хотя их пели все близкие – жена, сестры, дочери, сыновья, аульчане. Но читал Кязим, как я уже гово-

рил, прекрасно. Его интонации были то проникновенно-горестные, то сурово-энергичные, похожие на орлиный клетот, то задорные, как при рассказе народного анекдота о Ходже Насреддине, то мягкие, как шелест травы или дрожание зеленого листа.

Отец поэта – Бекки, неграмотный крестьянин, говорят, знал многие ремесла, и за это его ценили горцы. Ему хотелось, чтобы сын учился. Может быть, надеялся увидеть его муллой. Так начал учиться арабской грамоте будущий классик балкарской поэзии. Потом он много лет скитался по арабскому и тюркскому Востоку, изучал классическую литературу и языки. Кроме арабского и тюркских, хорошо знал персидский язык. Куда бы Кязима ни вела нелегкая дорога, он носил в душе облик родной земли. Но в то же время он желал добра не только своему аулу, но и всем селениям на свете, где работающие люди с таким же трудом добывали себе насущный хлеб, как и горские крестьяне. Кязим писал, что всюду богатый живет, как богатый, а бедный, как бедный, сильный гнет к земле слабого, что цвет радости или горя всюду один.

Если бы не боль за обездоленных и гонимых, если бы не острое чувство правды и справедливости, Мечиев не стал бы поэтом в старой Балкарии.

Остается сожалеть о том, что судьба и обстоятельства его жизни не дали Кязиму возможности так же хорошо знать русскую литературу, как он знал восточную. В этом смысле больше повезло его ровеснику Коста Хетагурову, отец которого был офицером русской службы и сумел определить сына в русскую школу. Отец же Кязима, к нашему большому сожалению, не сумел, а может быть, и не хотел этого, ибо не понимал значения подобного шага. Как обогатило бы благородного поэта Балкарии хорошее знание великой русской литературы! Учись он в русской школе, может быть, и поэтическая судьба его стала бы иной.

Четверостишия Мечиева я читаю каждый раз с удивлением. На старом Востоке любили писать четверостишия – рубаи. Мне хочется подчеркнуть, что кязимовские четверостишия отличаются от них не только формой рифмовки (рубаи рифмовались *ааба*), но и конкретной балкарской тематикой. Это настоящие гор-

ские стихи. Мечиев отлично знал великих мастеров Востока, до конца жизни изучал их. Однако он оставался оригинальным художником, верным горской действительности. Но и конкретно горские темы он поднимал до всечеловеческого уровня. Даже сказанное в такой, казалось бы, чисто балкарской поэме, как «Раненый тур», можно отнести не только к судьбе одного горского охотника и нашего народа. За такую поэму Мечиев мог легко заплатить, но он сам говорит:

«Посла не казнят» – есть присловье.  
Народ меня сделал послом,  
Чтоб нищее наше сословье  
Своим защищал я стихом.

И дальше:

Народ меня в горе не бросит:  
Я болью народною стал.

5

Поэма «Бузжигит» занимает особое место в творчестве балкарского мастера. В ней горят

раны Балкарии и всего Востока, я бы сказал, даже – всего человечества, – так значительно сказанное в ней о любви и труде человека, о смысле бытия, о свободе, добре и зле. Мудрый Зодчий, отец героя поэмы, считает своим счастьем то, что дома, построенные им, стали красотой родной земли и радостью для людей. Он счастлив сознанием того, что в мире, полном жестокости, не заставил плакать ни одного ребенка. Меня каждый раз удивляет монолог Зодчего. Вот что сказано в нем о мастерах и мастерстве:

Пойми: оно безмерно,  
Мудрей и старше нас.  
Без мастерства б, наверно,  
Весь род людской угас.

Рать мастеров несметна,  
В них – свет и мощь добра.  
Да, мастерство бессмертно,  
Хоть смертны мастера.

Твердым убеждением, мудрой страстью и силой дышат эти строки. Какая у них классическая ясность!

Высшим желанием Кязима было, чтобы его труд стал светом для тех, кто в нем нуждался. Не зря же он создавал не только поэтические произведения, западавшие в душу народа, как пословицы, но также ковал железо для крестьян, выручая их ежедневно. Образ Зодчего является как бы образом самого Мечиева.

У нас в горах в обычае слагать песни о трагически погибших. К Кязиму часто приезжали из ближних и дальних аулов с просьбой сложить песню о погибшем родиче. И поэт слагал стихи, которые становились песнями. Но они, к сожалению, до сих пор не собраны. Многие рукописи ранее не издававшихся произведений Мечиева сгорели во время оккупации Нальчика гитлеровцами.

Кязим Мечиев поднял нашу национальную художественную мысль на большую высоту, стал для нас образцом поэта. Если есть что-нибудь значительное в нынешней балкарской поэзии, то оно выросло из кязимовских корней. Завещая потомкам свое замечательное наследство, он сказал:

Пришла ко мне старость, как тысяча зим...  
Пусть с вами живет мое доброе слово!

Он, конечно, знал цену своему слову. И оно, не потускнев, прошло с нами через все испытания. Мы учились у него. Будут учиться и те, которые придут после нас.

К памятнику К. Мечиева школьники приносят цветы ущелий. Люди чтят его за любовь к ним и прозорливость. Талант долговечен. Поэт и горы смотрят друг на друга. Они были необходимы друг другу. Кязим верил, что вечен мир и бессмертна поэзия. И мы повторяем вслед за мудрым поэтом:

...Но, чтобы в человеке  
Свет мысли не погас,  
Огонь любви навеки  
Горит для нас — и в нас.

**Кайсын Кулиев**

*1962—1967*

# СТИХОТВОРЕНИЯ



---

I



\* \* \*

К тебе я хотел перебраться в челне, —  
Челнок опрокинулся мой.

К тебе я хотел прискакать на коне, —  
Свалился мой конь вороной.

В письме я с тобою повел разговор, —  
Письмо утонуло в реке.

Мой голос не слышен тебе из-за гор,  
Лишь эхо звенит вдалеке.

*1890*

---

\* \* \*

Холмик мы не приравняем к скалам,  
Ветке садом слыть не подобает.  
Выживает раненный кинжалом,  
Раненный любовью — погибает.

*1890*

\* \* \*

Чую твоего жилья тепло,  
Мы соседи, наши сакли рядом,  
Но меж нами столько верст легло,  
Сколько меж Чегемом и Багдадом.

Твой отец и брат тому виной,  
Что легла меж нами даль такая.  
Дверь твоя закрыта предо мной,  
Как пред грешником — ворота рая.

*1890*

---

## ЖАЛОБА

Я любила бедного джигита,  
Но моя кичливая родня  
На мою любовь была сердита,  
За него не отдала меня.

Темными становятся вершины,  
Если нет ни солнца, ни луны:  
Те, кто не поймет моей кручины,  
Точно так же помыслом темны.

Люди, что вы сделали со мною,  
Как мне быть, как справиться с бедой?  
Против воли стала я женою  
Старика с седою бородой!

О моих слезах замолкла повесть,  
И под гнетом ропот мой затих.  
Дни мои теперь черней, чем совесть  
Черных притеснителей моих.

Я познала все на свете грозы,  
Всю неправду, всю тоску земли.  
Если б я лила на камень слезы,  
То они бы камень тот прожгли.

Ночью просыпалась я в тревоге,  
Будто бить меня хотят плетью,  
Утро я встречала на пороге  
В страхе перед миром и людьми.

Никого не трогали в округе  
Робкой жалобы моей слова,  
Только в тишине ночной в испуге  
Отвечала мне порой сова.

Годы шли, меня в печали старя.  
Все прошло, не стало прежних сил.  
Я была скотиной на базаре:  
Этот продал, тот меня купил.

Да не будут девушки, рыдая,  
Проклинать, как я, свои года!  
Так, как я страдала, пусть другая  
Больше не страдает никогда!

**Матери, отцы! Не разлучайте  
Молодых возлюбленных сердца,  
Счастья ранних лет не разрушайте,  
Не желайте горького конца!**

**Девушки! Неволей стать женою —  
Хуже, чем упасть с крутой скалы.  
Что такое страх перед роднею?  
Это цепи, это кандалы!**

*1898*

---

## СЕТОВАНИЯ ДЕВУШКИ

Дал мне косы длинные Аллах,  
Только счастья не дал мне в делах,  
Черные глаза дала мне мать,  
Чтоб любовь у дочери отнять.

С милым я навек разлучена,  
Скорбь моя соседям не слышна.  
Где найду слезам своим приют?  
Только скалы боль мою поймут...

*1900*

---

\* \* \*

Храбрость острее любого кинжала,  
Тупость тупее мотыги тупой.  
Храбрость в бою твой очаг отстояла, —  
Трусость залить его хочет водой.

Храбрость прочнее и тверже гранита,  
Трусость бессильна, безвольна, как дым.  
Храбрость, друзья, выбираем открыто,  
Ибо людьми называться хотим!

*1900*

---

\* \* \*

Только вышел я из сакли на заре,  
Воробья увидел сразу на дворе.  
Мой голодный, но свободный воробей,  
Ты не знаешь ни рабов и ни князей!

*1902*

---

\* \* \*

Я слагаю стихи и железо кую, —  
В том и в этом есть надобность в нашем краю.  
Не князья нам нужны, а нужны топоры, —  
И Кязим это понял с недавней поры!

*1905*

---

## ХОРОШЕЕ СЛОВО

Хорошее слово ножом не разрубишь,  
Угрозы ему не страшны,  
В огне не погубишь, на рынке не купишь, —  
Оно не имеет цены.

Скажи мне, что жизнь без хорошего слова?  
Как будто без соли еда!  
Хорошее слово — мужчины основа,  
В нем слышится сердце всегда!

Хорошее слово — противник насилия,  
Борцам помогает созреть,  
Хорошее слово для доброго — крылья,  
Недобрых стегает, как плеть.

Хорошее слово с отвагою слито,  
Блестит, как дамасская сталь,  
Для нищих — богатство, для слабых — защита,  
Утешит, прогонит печаль.

И пуля остынет, и поле заглохнет,  
И влага в песке пропадет, —  
Хорошее слово не стынет, не сохнет,  
А мчится вперед и вперед.

Хорошее слово — твой разум и голос,  
И солнце твое, и луга,  
Души твоей сказка, земли твоей колос,  
Огонь твоего очага!

Хорошее слово — твой праздник и горе,  
И горский тяжелый твой хлеб,  
И меч, и кольчуга, и воздух нагорий,  
Где ты возмужал и окреп.

Хорошее слово с тобою смеется,  
С тобою грустит в трудный час,  
Мы жизнь покидаем, — оно остается  
И служит живым после нас.

Насильники, вам не отдам свое слово,  
Бесчестных не терпит Кязим!  
Всегда мое слово — опора живого  
И предано людям простым!

*1905*

---

## МОЕМУ ПСУ

Мой пес, приятель в черной шкурке,  
Тебе тепло без горской бурки,  
Ко мне ласкаешься, любя,  
Я никогда не бью тебя.

Ты стадо сторожишь на славу,  
Тебе мерзавцы не по нраву,  
Как я, не терпишь ты врагов —  
Двуногих мерзостных волков!

Дружу я много лет с тобою,  
Мы общей связаны судьбою,  
Ты много света мне принес,  
Мой черный пес, мой добрый пес!

На недругов моих ты лаешь,  
А мне спокойных дней желаешь,  
Ты в кузне у меня, как друг, —  
И пусть бушует дождь вокруг!

Ты за меня, презревши робость,  
В огонь пойдешь и прыгнешь в пропасть.  
Я вижу, как тосклив твой взгляд,  
Когда и я тоской объят.

Из-за меня страдал, бывало,  
Моих стихов узнал немало,  
Умнее, чем знаток иной,  
О них беседовал со мной.

Хозяин твой не князь, а нищий,  
Тебе он не жалеет пищи,  
Стихи поет и сталь кует,  
Собаку никогда не бьет.

Ты заслужил вот эти строки,  
Мой черный пес, мой быстроокий!  
Бесчестным, злым внуши испуг,  
Мой черный пес, мой верный друг!

1906

---

## ЗАВЕЩАНИЕ СЫНУ

Сын мой, скоро я в могилу лягу.  
Сколько зла судьба мне принесла!  
Ты же, может быть, придешь ко благу,  
Жизнь увидишь без людского зла.

Если ты увидишь, что взрастили  
Люди мир и счастье на земле,  
Сын мой, подойди к моей могиле,  
Крикни мне о побежденном зле.

Может быть, сквозь черный прах могильный,  
Чтоб я смог спокойно отдохнуть,  
Голос твой услышу звонкий, сильный...  
Только, сын мой, крикнуть не забудь!

*1906*

---

## ВОРОБЕЙ, КОТОРЫЙ ЗИМОЮ СЕЛ НА НАШЕМ ДВОРЕ

На дворе – мороз, дружище,  
Ты замерзнешь, воробей.  
Иль не сыщешь в мире пищи,  
И приюта, и друзей?

Воробей, от стужи лютой  
Не спасешься ты никак.  
В перья горлышко не кутай,  
Не согреешься, бедняк!

Бедняков, тебя похуже,  
Много есть у нас в краю,  
На земле от зимней стужи  
Худо им, как воробью.

Накрошу тебе я хлеба,  
Подкрепишь-ка поскорей.  
Пусть тебе поможет небо,  
Не робей, мой воробей!

Я хочу, чтоб ты, брат, выжил,  
Погулял с весной вдвоем.  
Кот не съел и срок не вышел? —  
Значит, снова мы живем!

Тот, кто беден, тот в неволе,  
Так от века повелось, —  
У него врагов поболее,  
Чем на голове волос.

Разве нам поможет робость,  
Если недруги кругом?  
Тот, кто глуп и робок, — в пропасть  
Низвергается врагом!

От мальчишек нехороших  
Постарайся улететь:  
Накидают хлебных крошек  
И тебя заманят в сеть!

Стужа. Ветер воет люто.  
Воробей, среди зимы  
Ты, как мы, лишен приюта,  
Голодаешь ты, как мы.

---

## ХВАСТЛИВОМУ КНЯЖИЧУ

На нас ты смотришь свысока,  
А чем ты лучше бедняка?  
Из века в век, из года в год  
Чужим трудом живет твой род!

Ты дружбы не проси моей,  
Я не ищу таких друзей.  
Дороже мне один мой стих  
Всех знатных родичей твоих!

*1907*

---

\* \* \*

Входит в наши аулы туман из ущелий,  
Входит в хлевы, конюшни без видимой цели,  
Точно так же, без спросу, хоть дверь на запоре,  
Входит в наши дома беспросветное горе.

1908

---

\* \* \*

Я сравню тебя с моей стрелой,  
Молодость, пустилась ты в полет.  
За какой сокрылась ты скалою?  
Кто тебя, далекую, найдет?

Ты взяла красу и стать фазанью,  
Молодость, достойная хвалы, —  
Или ты была той самой ланью,  
Что погибла от моей стрелы?

*1910*

---

\* \* \*

Порою на вершине снег блистает,  
Порою тает на горе,  
А боль моей души, увы, не тает  
Ни при какой жаре.

Свалился тур, чью кровь земля глотает, —  
И вот от крови нет следа,  
А боль мою долина не впитает,  
Не унесет вода.

*1910*  
*Стамбул*

---

\* \* \*

Если дождь прошел и даль светла, —  
За дождем ты не скачи в седле.  
Если молодость твоя прошла,  
Не ищи ее по всей земле.

Ты ее не купишь у купца,  
Хоть и станешь цену набавлять,  
Не получишь снова от отца,  
Не возьмешь у матери опять!

1910

*Стамбул*

---

\* \* \*

Серый камень сорвался с утеса,  
В мрачной бездне остался лежать...  
Никогда ты наверх не вернешься,  
Свой утес не увидишь опять...

Я молю тебя, господи, ныне:  
Лучше в камень меня преврати,  
Но остаться не дай на чужбине,  
К моему очагу возврати!

*1910*  
*Дамаск*

---

\* \* \*

Избороздил я много бурных вод.  
Бывал у турков, ездил я к арабам.  
Бедняк повсюду как бедняк живет,  
И сильный измывается над слабым.

*1910*

*Стамбул*

---

\* \* \*

Горя много, счастья мало, путь тяжел.  
Я искал повсюду счастье, — не нашел.  
Долго с горем я боролся словом правым, —  
Точно сито, сердце сделалось дырявым.

Как и горец, смотрит с горечью араб,  
Как и горец, — он бесправный, бедный раб.  
Разлилась печаль по всем людским жилищам,  
Где б я ни был, низко кланяюсь я нищим.

*1910*

*Мекка*

---

\* \* \*

Если б знал, где для родины счастье найти, —  
Прискакал бы к нему, сделав ноги конем,  
Если б кровь, как река, разлилась по пути, —  
Переплыл бы ее, сделав сердце челном.

*1910*

*Мекка*

---

\* \* \*

Багдад посетил я, увидел Стамбул,  
Я в Мекке от тягот пути отдохнул,  
Но мне показалось, что вновь я родился,  
Когда возвратился в мой бедный аул!

*1910*

---

\* \* \*

Мир — тяжкая тропа, где скорбь и горе, —  
По той тропе чьи ноги не прошли?  
Мир — это взбаламученное море, —  
И чьи в нем не тонули корабли?

Мы по морю плывем среди многоводья,  
Не зная, где корабль потонет вдруг.  
Мы падаем с коня, хотя поводья  
Стараемся не выпустить из рук.

Каким бы, мир, ты ни был горьким морем,  
— Тебя мы любим, ты — наш отчий дом.  
Пускай тропа в снегу, — мы с бурей спорим,  
Сквозь вихрь и снег мы все-таки идем!

*1910*

*Багдад*



---

**СТРОКИ ПИСЬМА,  
ПОСЛАННОГО ДОМОЙ  
ИЗ АРАВИИ**

**Родине сыновний шлю привет,  
Двум аулам Безенги.  
Пусть моя земля не знает бед,  
Пусть умрут ее враги.**

**Шлю я старой матери поклон,  
Пусть не сетует она,  
Что я долго с нею разлучен  
И тропа моя трудна.**

*1910*

---

\* \* \*

Свое метнул я слово, как стрелу,  
И та стрела разбилась о скалу.  
Но пред насильем не склонюсь покорно,  
Я буду проклинать его упорно!

*1910*

---

\* \* \*

Мы овцы. Ближе, ближе стая волчья.  
Безгласен наш испуг и боль глуха,  
То жмемся, то шарахаемся молча, —  
Отара, что лишилась пастуха.

*1910*

---

\* \* \*

Чтоб родину избавить от невзгод,  
Я в кузнице кую железо с жаром,  
И, видя, как страдает мой народ,  
Я сам горю, как уголь в горне старом.

*1910*

---

\* \* \*

Скорбит земля родная, плачут реки,  
И топчет сильный тех, кто послабей.  
Чтоб мой народ свободным стал навеки, —  
Помочь прошу я Бога и людей.

*1910*

---

## МАТЬ ОХОТНИКА

Мой сын, идешь охотиться на тура,  
А сердце ноет у меня в груди:  
Суровые вершины смотрят хмуро,  
Туманы, бездны, кручи впереди!

Мой сын, повсюду снежные провалы,  
А в сердце матери твоей – тоска:  
Так скользки в пору снегопада скалы,  
Над пропастью тропинка так узка!

Мой сын, в горах давно отцвел терновник,  
А голос материнский задрожал:  
Тебя не ждет ли наш давнишний кровник,  
Не точит ли в ущелье свой кинжал?

Мой сын, пускай поймет мою тревогу  
Наш Абсаты, бог леса и зверей, –  
Храня тебя, пусть выйдет на дорогу:  
Ведь ты один у матери своей!

**Мой сын, пора настала снегопада,  
Печальны, мрачны горные пути.  
Клянусь тебе, что умереть я рада,  
Зато тебя от гибели спасти!**

*1910*

---

## КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Луна в родном ауле  
Нам светит, мой малыш.  
Вершины гор заснули,  
А ты еще не спишь.

И ослик, и теленок  
Уснули на дворе.  
Не плачь, мой соколенок, —  
Проснешься на заре.

Цыплята спят в сарае,  
Луна им шлет привет.  
Усни, забот не зная,  
Усни, мой лунный свет.

Скорее стань мужчиной,  
Скорей порадуй нас,  
Усни, мой снег вершинный,  
Усни, мой светоч глаз.

Пусть беды в день жестокий  
Проходят стороной.  
Усни, мой белобокий  
Ягненок родной.

Под месяцем лучистым —  
Покой и забытье.  
Твой мир да будет чистым,  
Как молоко мое.

А кто клинок добудет,  
Кто станет нам врагом, —  
Да материнским будет  
Он проклят молоком!

Ты на земном просторе,  
Всем недругам на страх,  
Живи, как рыба в море,  
Как птица в небесах.

Спят скалы и утесы,  
Кругом — луна и тишь.  
Усни, звонкоголосый,  
Усни, усни, малыш!

1910

---

## ТРУЖЕНИКУ

Умный трудится, не уставая,  
Ничего не делает глупец.  
Что сказать о сущности лентяя?  
Я скажу: лентяй – живой мертвец.

Радостно живется работающим,  
Лодырям тоскливо жить везде.  
Наше счастье станет настоящим,  
Если мы найдем его в труде.

Без труда и сердце не на месте,  
И чурека нету на столе.  
Без труда прожить – прожить без чести,  
Лишним оказаться на земле.

Жалок лодырь, словно пес бездомный,  
Хоть порою он одет в шелка.  
У жены лентяя – жребий темный,  
А у матери его – тоска.

Трудолюбье землю озаряет,  
Свет и разум жизни — честный труд.  
Лодыря повсюду презирают,  
Труженику почеть воздают.

*1910*

---

\* \* \*

Несчастный мой народ, я твой удел постиг,  
И чтоб тебе помочь, прочел я много книг.  
Читаю и пишу, и нет конца труду,  
Но счастья для тебя никак я не найду.

*1911*

---

\* \* \*

Шумя, с отвесных гор сбегают вниз потоки,  
Уходят холода в назначенные сроки,  
Лишь горе моего народа постоянно,  
И в сердце у него не заживает рана.

1912

---

\* \* \*

Сегодня князь Суююнч Ахмата-бедняка  
Ударил палкою — и голову рассек.  
Той палкой ранен я, и рана глубока:  
Душа моя в крови, — не заживет вовек.

*1912*

---

## ПРАВДА

Правда – нерушимая гора.  
Правда – и могуча и добра.  
Правда не заблудится во мгле,  
Правда не повиснет на скале.

Не кичитесь, князь и богатей,  
Вы не лучше нас, простых людей,  
Будут и богатства и чины  
Вместе с вами в прах превращены!

А народа правда не умрет,  
Отстоит, спасет ее народ,  
Ни убить ее нельзя, ни сжечь,  
В сердце правды не войдет и меч!

Правда всех насильников сильнее,  
Каторга беспомощна пред ней,  
Правда не боится ни царей,  
Ни бичей, ни палок, ни цепей!

Это говорит хромой Кязим,  
И пока гляжу в глаза живым, —  
Только правде словом я служу,  
Только правду чту, как госпожу!

*1912*

---

## СТИХИ, СКАЗАННЫЕ ОДИНОКОЙ ИВЕ У ГОРНОЙ РЕКИ

Ты у речки расцвела красиво  
И меня обрадовала, ива.  
Трудно в кратких описать словах  
Мягкие барашки на ветвях!

К нам пришла ты из какого края?  
Как ты здесь росла, семьи не зная?  
Как ты не сгорела в душный зной?  
Не замерзла, бедная, зимой?

Как росла ты без сестер и братьев,  
И друзей, и родичей утратив?  
Ни отец, ни любящая мать  
Не могли сиротку опекать!

Я не раздавлю твои барашки,  
Зла тебе не причиню, бедняжке,  
Не срублю тебя, не погублю,  
Я не из таких: я жизнь люблю!

**Ты нежна от белого цветенья,  
И тобой люблюсь каждый день я.  
Я склоняюсь у твоих ветвей,  
Прелесть бедной родины моей!**

**Знаю, есть такие лиходеи  
(Оттого ты стала мне милее!),  
Что тебя хотят сломать, срубить,  
Вместе с корнем вырвать, истребить.**

**Не позволю, чтоб лила ты слезы!  
Пусть тебя не обдирают козы,  
Пусть не гнет свирепый ветер с гор,  
Пусть не рубит вражеский топор!**

**Этот мир обходится жестоко  
С нами, уходящими до срока...  
Ива-сиротинка над рекой,  
Да хранит Всевышний твой покой!**

*1913*

---

\*\*\*

В аулы к нам беда легко находит путь.  
Хоть заблудилась бы в горах когда-нибудь!  
А счастья, как ни ждем, все нет,  
запропастилось:  
Как видно, где-нибудь в теснине  
заблудилось!

1913

---

## ЧТО МНЕ ДЕЛАТЬ?

Юность от мечталась. Что мне делать?  
Вот пришла усталость. Что мне делать?  
Близко, близко старость. Что мне делать?  
Убежать осталось? Что мне делать?

Хоть беги на горную вершину,  
Хоть в морскую погрузись пучину, —  
От годов себя ты не избавишь,  
Старость восвояси не отправишь.

Эй, Кязим, трудись всегда, всечасно,  
И, грудясь, ты не вздыхай напрасно!  
Куй стихи с железом воедино, —  
Вот где высшей мудрости вершина!

Прегови унынье в эту пору,  
Мудрость ты возьми себе в опору.  
Ты трудись упорно, непокорно,  
Куй железо, стих слагай у горна!

1913

---

\* \* \*

Стал мрачен свод небес, над саклями  
нависший,  
И горести, как снег, посыпались на крыши.  
Аллах, Аллах, взгляни на горы! В самом деле:  
Их головы от бед и горя поседели!

1913

---

\* \* \*

Кязим, к чему твой стон и вздох глубокий?  
Как волчий вой — твой голос одинокий.  
Ты обратил глаза на мир жестокий,  
И брызнули на землю слез потоки.

*1914*

---

\* \* \*

Немало горьких слов ты людям даровал,  
Кязим, ты проклинал, Кязим, ты горевал,  
Но можно ль на земле прожить без горьких  
слов,  
Когда нам смерть грозит от множества волков?

*1914*

---

## 1914 ГОД

Вновь охвачен мир войной кровавой,  
Умирает мирный труд природы.  
Проклят царь, владеющий державой:  
Он принудил враждовать народы.

На войну уходят молодые,  
Остаются матери в тревоге.  
Грозно, как обвалы снеговые,  
Низвергаются на нас налоги.

В мире нет покоя и надежды,  
На две части он войной расколот.  
Не хватает у людей одежды,  
Надвигается угрюмый голод.

Губит на земле один другого,  
Горе и беда на белом свете,  
Мертвый хочет задушить живого,  
А народ за все, за все в ответе.

**Ныне в мире правит злое время,  
Нас, несчастных, плавит злое время,  
Все живое давит злое время.  
И сердца кровавит злое время.**

**Справимся и с этим тяжким горем!  
Стойте, горы, как всегда стояли:  
Стойкости учась у вас, – поборем  
Все невзгоды мира, все печали!**

*1914*

---

\* \* \*

Да будут прокляты насильники стократ!  
Как угли в очаге, сердца у нас горят.  
Но в правду веровать, как в хлеб насущный,  
будем,  
Надежду посохом избрав на радость людям.

1914

---

\* \* \*

**Кругом жестокий вихрь, тяжелый снегопад,  
Но горы, как всегда, без трепета стоят.  
В години бедствия, тревоги и невзгод  
Учись у наших гор, несчастный мой народ.**

*1914*



---

\* \* \*

В трубу моей сакли падает черный снег.  
Стучится тревога, просится на ночлег.  
Скажи мне, тревога, злая гостья моя,  
Ужели другого нет у тебя жилья?

1915

---

\* \* \*

Кинжальных ран и пулевых не счесть  
на нашем теле,  
И больше горечи в душе, чем скал среди  
ущелий.  
Как скалы, терпим каждый день и вихри  
и обвалы:  
Все те, кого зовут людьми, выносливы,  
как скалы!

1916

---

## МОЯ СТАРАЯ САКЛЯ

Ты, старая сакля, немало  
Мне счастья и горя дала.  
От вьюги меня охраняла,  
Зимой не жалела тепла.

Звенела ты свадебным пиром,  
О мертвых рыдала не раз.  
Встречала приятелей с миром,  
Врагов принимала подчас.

Надежды, восторги, досады  
Ты честно делила со мной.  
В ненастные дни, в снегопады  
Была для меня ты броней.

Дожди подбирались вплотную,  
И ливни войсками текли,  
Но крышу твою земляную  
Они победить не могли.

Огонь очага наблюдая,  
Я думал о жизни своей.  
Здесь, в сакле, подруга седая  
Растила моих сыновей.

Здесь, в сакле, обрел я опору,  
Здесь думы окрепли мои,  
Здесь в самую трудную пору  
Я хлеб добывал для семьи.

Я здесь бормотал свои строки  
В тепле твоего очага.  
Кто б ни был он — близкий, далекий, —  
Ты гостю была дорога.

Здесь песни я складывал смело,  
Приверженность к правде храня.  
Ты, сакля, тепла не жалела,  
Тепла и огня для меня.

1916

---

\* \* \*

Толкуют о царе, о войске говорят.  
Налогов требуют и требуют солдат.  
Кровавых рек поток, глухих громов раскат,  
Аулы — как сады: побил их сильный град.

Нам не дает вздохнуть жестокости указ.  
Цвет жизни под ярмом насилия погас.  
Неправда душит всех, кто угнетен сейчас,  
И бешеные псы бросаются на нас.

Вам это говорит хромой кузнец Кязим.  
От горьких, долгих слез я стал почти слепым.  
Вам это говорит Кязим в последний раз:  
Терпенья больше нет, терпенья нет у нас!

1916

---

## СЫНУ МУХАММАДУ\*

Слагаю стих, но строчка тяжела мне,  
И душат, душат слезы мой рассказ.  
Слова стоят, недвижимые, как камни...  
Мой сын, как рано ты ушел от нас!

Туман ползет, ползет по небосводу.  
Не зная сна, встречаю утро дня,  
Ты отдал жизнь за правду и свободу,  
Мой сын, куда ты скрылся от меня!

Ты в бой пошел, как на работу в поле,  
Ты партизаном был у нас в горах.  
Твой правый меч служил желанной воле,  
С коней кадетов сбрасывал ты в прах.

---

\* Старший сын поэта Мухаммад Мечиев, один из образованнейших балкарцев того времени, командовал крупным отрядом красных партизан на Кавказе и погиб в Дагестане.

**Тебя унес навеки вихрь кровавый,  
Стенаньям материнским нет конца,  
Но занесен ты в списки вечной славы, —  
Вот утешенье старого отца.**

**Рыдает мать седая в черной шали,  
Вершины гор безжалостны к врагу.  
И горцев греет в горе и в печали  
Кровь смельчака, что рдеет на снегу.**

**Я горцев призывал сражаться смело,  
Мне ныне малодушие не к лицу.  
Мой сын, ты бился за святое дело,  
Как надлежит поэту и бойцу.**

**Пусть я умру такой же смертью трудной,  
Да будет смелость и со мной дружна,  
Да будет вечен свет свободы чудной, —  
Мы знаем, какова ее цена!..**

*1919*

---

## РАЗГОВОР СО СТАРОСТЬЮ

– Ты зачем пришла без спросу, старость?  
Разве я позвал тебя сюда?

– Спрашивать? Да я и не пыталась:  
Знаю, что у вас ко мне – вражда.

– Как нашла ты путь ко мне, седая?  
Много ль исходила ты дорог?

– Нужный дом найду я, не блуждая,  
Я приду, когда наступит срок.

– Не могла ты заблудиться, что ли,  
Задержаться где-нибудь в пути?

– Что за чушь! В горах, в пустыне, в поле –  
Я везде смогу тебя найти.

Отыщу я каждое жилище  
Темной ночью иль в начале дня.  
Самодержец иль бесправный нищий, –  
Люди, все равны вы для меня.

Я, как вы, пред сильным не робею.  
Что мне властелинов гнев и плеть?  
Даже князю, даже богатею  
Невозможно старость одолеть!

Грозных войск не хватит у владыки,  
Чтобы на меня пойти войной.  
Полководец, храбрый и великий,  
Не сумеет справиться со мной!..

— Предстоит мне сделать много дела, —  
Ты прервешь мою работу вдруг.  
Приказав, чтоб темнота одела  
Дни мои, отнимешь силу рук.

Выбьешь мне, безжалостная, зубы,  
Скажешь мне: — Прошла твоя пора!  
Дашь мне посох сучковатый, грубый  
И усадишь во дворе с утра.

Ночью слабый звук меня разбудит,  
И заснуть я не смогу опять.  
Мне из старой сакли трудно будет  
Выйти — свежей травкой подышать.

Не услышу над горами грома, —  
Наградишь меня ты глухотой.  
Уведешь в последний раз из дома,  
Чтобы я заснул в земле сырой.

Старость, старость, твой суровый холод  
Руки, ноги властно мне скует...  
Но мой стих, как прежде, будет молод,  
С ним я вырвусь из твоих тенет!

За сердца людей всегда в ответе,  
Я теплом своих стихов согрет:  
Ведь пока поэт живет на свете,  
Старости не ведает поэт!

1928

---

\* \* \*

**Послушайте, люди, что скажет Кязим,  
Я много хорошего знал и дурного.  
Пришла ко мне старость, как тысяча зим...  
Пусть с вами живет мое доброе слово!**

*1939*

---

\* \* \*

Нагрянет смерть, — мой пес мне лаем  
не поможет.

Нагрянет смерть, — мой сын ее прогнать  
не сможет.

Нагрянет смерть, — и я засну последним  
сном,  
Но будет жить мой стих на поприще земном.

Нагрянет смерть, — у нас отнимет в миг  
единый  
Знакомой речки шум и синие вершины,

Но дом, что ты воздвиг, но твой  
заветный стих  
Останутся с людьми, чтоб жить  
среди живых.

1940

## МОЯ КОРОВА

С лысинкой на лбу моя корова,  
Ты отменным нас поишь питьем.  
Дружно восклицая: — Будь здорова! —  
Твой айран мы с наслаждением пьем.

Молоко даришь ты нашим детям,  
Чтоб росли скорей и веселей.  
С молоком густым, прохладным встретим  
В жаркий день приехавших гостей.

Если будут бить тебя ребята,  
Оскорбляя доброту твою, —  
Их настигнет быстрая расплата:  
Посохом своим я их побью.

Крепкая от корма лугового,  
Нашу украшаешь ты судьбу,  
С лысинкой на лбу моя корова,  
Ласковая, с лысинкой на лбу.

1940

---

## II



\* \* \*

Рассудка лишившись, на звезды взираю...  
Мне тридцать. Безумье жжет душу мою!  
Я пост не блюду — я, сильнее, чем к раю,  
К тебе устремляясь, зикиры пою.

Душа истомилась в скитании мнимом —  
Тебя твой отец за меня не отдаст:  
Чтоб путь мой к тебе был расчищен калымом,  
Отцу моему не достанет богатств.

*1890*

---

\* \* \*

**Твой отец заходил как-то раз  
В нашу кузню — заказывал путы.  
Я все сердце вложил в тот заказ!  
Он унес его... Я ни минуты**

**Не жалел, не жалею о том:  
Скакуна пусть отец твой стреножит,  
Но он внес мое сердце в свой дом —  
И тебя он стреножить не сможет!**

*1890*

---

\* \* \*

На челноке к тебе тянулся,  
Надеясь счастье обрести,  
Но мой челнок перевернулся,  
Когда я был на полпути.

Ты моего не слышишь зова.  
На всех путях тебя искал.  
Кричу тебе, взываю снова...  
В ответ мне — только эхо скал.

*1891*

---

\* \* \*

На твой поглядывая двор,  
Я по дрова иду с рассветом.  
Шаги разбудят эхо гор —  
Мне плач твой слышен в эхе этом

Что люди! — скалы говорят  
О нас, несчастных, со слезами...  
И лишь твои отец и брат  
Никак не сжалятся над нами!

*1891*

---

## КОГДА ПРИХОДИТ В ЭТОТ МИР ЛЮБОВЬ

(Из поэмы «Тахир и Зухра»)

Когда приходит в этот мир любовь,  
То одаряет нас теплом весенним.  
Так птица из силков взмывает вновь  
И радует сердца своим спасеньем.

Является любовь к нам с давних пор  
Ростком, что и сквозь камень рад пробиться,  
И всадником, что мчит во весь опор,  
Чтоб тем помочь, кого томит темница.

Полна она, пришедшая к двоим,  
Той добротой, которой мир спасется,  
Она рождает свет, и скалы им  
Согреты, как самим сияньем солнца.

Неведомы влюбленным козни, месть,  
Корысть, лукавство, хитрость или злоба.  
Они считают: все, что в мире есть,  
Сочувствует тому, чем дышат оба.

Влюбленные — два дерева в цвету,  
Они не ждут ни града, ни бурана.  
Их души вознеслись на высоту,  
С которой о вражде и думать странно.

Но мы готовы цепь сковать для них,  
Стремимся навязать им нашу волю,  
Сердец по-настоящему родных  
Мы раны норовим посыпать солью.

Преследуя влюбленных, точно псы,  
Себя грехом позорным покрываем;  
Не в силах в нашу сторону весы  
Склонить, от злобы жгучей завываем.

Завидуя счастливым, смотрим вслед  
И замыслы коварные лелеем,  
Как будто дали нечисти обет,  
Забыв добро, навек пристать к злодеям.

Тахир с Зухрою сгнули в чаду  
И саже, что рождает только зависть.  
Зачахнет даже дерево в саду,  
С душою подлеца соприкасаясь.

**Проклятье им свое пошли, Кязим, —  
Лжецам и ими слаженным оковам!  
Да будет по достоинству казним  
Любой из них твоим правдивым словом!**

*1891*

\* \* \*

Богачу ты даруешь всего с изобильем,  
Бедняка же единый удел — нищета.  
О Аллах, справедливо ль все большим  
бессильем  
Наделять тех из нас, кому жизнь — маета?

Силу сильных ты множишь в любое  
мгновенье,  
Добавляя несчастным плетей и оков.  
О Аллах, справедливо ли это решенье  
И утешно ль оно для всех нас — бедняков?

Справедливо ль на озеро щедрый  
лить ливень,  
Если засуха наши сжигает поля?  
О Аллах, этот мир столь бескраен и дивен, —  
Ты ли это задумал, так жить нам веля?

1904

---

\* \* \*

**Наши пашни — одни валуны...  
О, невежества страшные сны!  
Кто у власти — те злобы полны.**

**Все добро — коровенка одна,  
Так худа, что почти не видна...  
Тяжела наша доля, темна!**

*1904*

\* \* \*

Было время – любовь даром счастья была,  
Даром жизни была золотым;  
Но иные привычными стали дела:  
Нет огня меж любимыми, – дым!

Спорят, судятся, сами себе на беду,  
Были – родичи, стали – враги.  
Сколько дегтя сегодня в любовном меду!  
Где свет в душах? Не видно ни зги!

Ведь мерилом стал ныне недостаток служить:  
Коль богат, то и древний слепец  
С луноликой красавицей сможет зажить,  
Истерзав ее душу вконец!

О Тахире с Зухрой, их великой любви  
Написавший когда-то Кязим,  
Твое сердце сегодня от горя в крови –  
Ты судьбою влюбленных казним...

1904

---

\* \* \*

Пусть ты хадж совершишь хоть  
и тысячу раз,  
Станешь шейхом великим, едва ль не святым,  
Пусть ты лоб расшибешь, совершая намаз,  
Пусть ты душу наполнишь Аллахом одним, —

Если труд твой земли не вращал жернова,  
Если не был тебе каждый встречный что брат,  
То мольбы бесполезны, напрасны слова:  
Не удержит тебя мост над адом — Сыйрат!

1906

---

\* \* \*

Мир — крутая тропа. Оступившимся — горе.  
Кто измерит ущелий его глубину?  
Мир — такое огромное горькое море,  
Чей корабль не пошел в нем однажды ко дну?

В море мира плывем, не страшась многоводья,  
Хоть не знаем, когда кораблю затонуть, —  
Ведь и падая, всадник сжимает поводья,  
До конца продолжая стремительный путь.

Мир, какими бы ни были моря глубины,  
Ты для каждого — отчий, единственный дом.  
Мы по тропам твоим через кручи кручины,  
Хоть порой и споткнемся, а все же идем!

1910

*Багдад*

---

\* \* \*

Мир полон горя, радость же — редка.  
Я к счастью путь найти не смог пока.

Изрешетили сердце сотни бед —  
Кязим воюет с ними много лет.

Глаза араба, горца ли глаза —  
В них горечи безвыходной слеза.

Печаль — повсюду, где ни прохожу.  
В лицо всем нищим с болью я гляжу.

*1910*  
*Мекка*

---

\* \* \*

Если камень сорвется в ущелье,  
В темной пропасти сгинув навек,  
То ничто никогда возвращенья  
Не сулит ему больше наверх.

О, Аллах! Пусть мы так же не канем!  
Если сам я дойти не смогу,  
То, молю тебя,— сделай хоть камнем,  
Но к родному верни очагу!

1910

*Дамаск*

---

\* \* \*

Молодость, стрелою ты была,  
С тетивы куда тебя умчало?  
Может, преградила путь скала?  
Может, ты за дальний холм упала?

Горлицы столь нежной шейкой ты,  
Молодость, казалась мне порою...  
Может, ланью дивной красоты  
Ты была, сраженной где-то мною?!

*1911*

---

\* \* \*

Взнуздал я духом плоть свою худую:  
— Дорогу к счастью отыскать сумеи! —  
Немалый путь прошел, но все впустую.  
Тревога стала спутницей моей.

«Кто гол — в том сердце ближе». Это верно.  
Я с бедными делил и стол, и кров.  
С Востоком говоря благоговейно,  
Повсюду я искал правдивых слов.

Земли моей все тяготы и муки  
Мне плоть сдавили холодом оков.  
Когда я воздеваю к Богу руки,  
По ним, Коран листавшим, льется кровь.

Содеявшего зло постигнет кара, —  
Гласят Хадисы. Спрашиваю: где?!  
Лишь те страшатся мора и пожара,  
Кто век живет на хлебе и воде!

Мы, чей путь прям, надежды не теряем.  
Упавшему всегда поможем встать.  
Мы ляжем в ту же землю с негодяем!..  
И Бог не может этого не знать...

*1912*

---

\* \* \*

Легко в горах находит путь беда —  
Она к нам в дом приходит без труда.  
Но где блуждает счастье до сих пор?  
Трудна его дорога среди гор!

*1913*

---

## 1914 ГОД

Землю кровь орошает рекой —  
Наш под корень подрублен покой.  
Разрушается мир почем зря!  
Все раздоры — по воле царя.

Рады ль матери доле своей,  
Провожая на фронт сыновей?  
А поборы растут и растут —  
И тоской наши души гнетут.

Наш под корень подрублен покой —  
Даже радости прежней, скупой,  
Не изведает ныне народ:  
Скоро голод в дома к нам придет.

Черный день наступил на земле:  
Даже солнце как будто в золе.  
Черный день к нам пришел, как палач,  
И повсюду царит только плач.

**Но и это наш выдержит дом —  
Все осилим мы, переживем.  
Кто затеял войну эту, тот  
Пусть ответит; а солнце — взойдет!**

*1914*

---

\* \* \*

Все, как и прежде. До поры состарюсь —  
Огня сердечных ран не превозмочь.  
На скалы глядя, чувствую усталость,  
Не знаю, чем народу мне помочь.

Слов стрелы расщепляются о скалы.  
Не башня Правды — кузница моя.  
Повсюду не страшится сильный кары,  
Нигде на свете слабым нет житья.

Я, плача, от беспомощности стражду:  
Не нахожу дороги столько дней!  
Идем — и утолить нам нечем жажду...  
А лечь и помереть — еще стыдней.

*1915*

---

\* \* \*

Неправедно, неправо наше дело!  
Дурное время давит и гнетет.  
Коварству в мире больше нет предела.  
Так светопреставленья настает!

Во тьме кромешной наш блуждает разум.  
За это нам самим держать ответ.  
Наш каждый шаг окажется напрасным,  
Пока царят слова, а дела нет!

Кругом полно наставников негодных,  
Над книгой не склоняющих чела,  
Не чувствующих чаяний народных,  
Добро не отличающих от зла.

Совсем, совсем не та у них забота,  
Чтоб скотник ждал приплода от скота,  
Чтоб работающим делалась работа,  
Чтоб воплощалась давняя мечта.

**Им не по праву наши разговоры,  
Нам не дают ни отдыха, ни сна,  
И что ни день — то новые поборы.  
Когда же их наполнится мошна?!**

**Нет, мы не сможем сбросить это бремя.  
Уже своих не смеем стричь овец...  
Иссякшая земля не примет семя —  
Задумайтесь над этим, наконец!**

**Хромой Кязим, слагал я эти строки,  
И слезы у меня текли из глаз.  
Терпенья больше нет, прошли все сроки.  
Пусть мой прощальный стих дойдет до вас!**

*1928*

---

## НА КЛАДБИЩЕ В БЕЗЕНГИ

Я, скорбя, обхожу за могилой могилу.  
Здесь, Кязим, ты найдешь свой последний  
приют.

Жизнь дана не навек, не храбрись через силу,  
Верой дух укрепляй... Все однажды уйдут.

Ни один богатырь не укрылся от дани,  
Даже горы седые сравнялись с землей,  
И в траву превратились пугливые лани,  
Что, пыля, по степям проносились стрелой.

И служивший добру, и злодей бессердечный —  
Все страшились конца, но в могилу сошли.  
Там, под спудом, в обители истинной, вечной  
Им открылась обманчивость этой земли.

Вот — плита предо мной... Бияслан  
незабвенный,  
Ты, сражаясь в ущелье, боец удалой,



Вот валун. Здесь Чокур упокоился, бедный,  
Что погиб, когда лошадь, взбесясь, понесла.  
Ты, из рода Рахаевых самый заметный,  
Помню, дом свой поставил в возглавье села.

Был могуч ты: быкам неподъемные бревна  
На себе выволакивал, силы собрав.  
Натрудил свою спину... Кто скажет, что словно  
В темноте век ты прожил, — не будет не прав.

А, Шакманов Тарюк! Память что о тебе я...  
Твоя жизнь — хоть и князь — не была весела.  
Ни богатств, ни себя самого не жалея,  
Ты опорой был для родного села.

В дни, когда в Безенги, всех кося без пощады,  
Злую жатву собирая, явилась чума, —  
Повернул ты обратно царевы отряды,  
Не пустил их в ущелье — сжечь наши дома.

Спи спокойно, Тарюк. Жизнь ты прожил,  
не тешась.

Не гнушаясь, всегда помогал голытьбе.  
Ты при встрече со всеми здоровался,  
спешась...

Средь Шакмановых не было равных тебе!

Вот – Шакманов же, Аслангерий...

На погосте

Все ли ладно – покоя ты не потерял?

Нечестивец! Наверно, горят твои кости,

Как припомнишь о том, что ты здесь

вытворял!

Из князей самый лютый, лежишь ты в могиле,

А при жизни ты с бедных три шкуры сдирал!

Чабаны у тебя часто впроголодь жили,

Ты, не зная стыда, чужой труд пожирал.

На полях, на лугах плети слышались

звуки –

Гарцевал ты над теми, что падали ниц!

Уносил, словно паводок, все, что их руки

Собирали... Не знал ты, мерзавец, границ!

Что забрал ты с собой – ты, что станешь

землею, –

В эту черную землю, в последний свой дом?

Все оставив, пред Богом предстал сам собою,

В западню угодил, в преисподнюю – псом!

Нет, Кязим, не суди, не казни тех, кто умер.

И неправый, и правый – суд Бога пройдут...

**Сядь, Коран почитай, помолись и подумай:  
В этой черной земле — твой последний  
приют.**

**1934**

---

\* \* \*

Как же вышло так, Хажибекир?  
Что за путь был тебе уготован?  
Обещавший создать новый мир,  
Ты объявлен врагом, арестован.

Кто хвалил тебя дружно вчера,  
Поносить тебя принялись дружно:  
Так и надо... Давно, мол, пора...  
Мол, все то, что он делал,— не нужно...

Да, бедняга, недолгим твой век  
Оказался. Ушел ты до срока.  
Чем честнее живет человек,  
Тем трудней выпадает дорога.

Помню, в кузню мою ты входил  
Не спеша, улыбаясь устало...  
А одна из безвестных могил  
Вдалеке уж тебя поджидала.

В злобном сердце начало берет  
Смерть того, кто не выдаст, не бросит.  
Без вождей остается народ,  
Если камень за пазухой носит.

Ничего не узнавши, жена  
Возвратилась, от горя бескровна.  
«Пусть бы рухнул,— сказала она,—  
Мост, который он строил любовно!»

Самым первым из наших сказав:  
«Власть — Советам!» — он славил свободу;  
А теперь вот у нас на глазах  
В неизвестность ушел, как под воду.

Справедливость искавший Кязим,  
Ты опять предаешься рыданью!  
Знаешь ты: и к тебе, как к другим,  
Постучат за кровавою данью.

Как легко из хороших людей  
Можно сделать поборников злого!  
Может, где-то таится злодей,  
Искажающий истины слово?

**Сколько знал я отличных парней,  
Лишь вчера в барабаны стучавших  
И – пропавших бесследно... верней,  
Где-то там навсегда замолчавших.**

**В чем причина? Поймешь ли, Кязим?  
Сердце жжет. Оно биться не радо.  
Как противиться мыслям дурным,  
Если вновь побеждает неправда?!**

*1938*

---

\* \* \*

Смирюсь ли я с трескучим этим вздором?  
Кто приписал мне муть чужих словес?  
Кто голову мою покрыл позором,  
Огню предал мной выращенный лес?

Что за наглец сорвал с меня одежды,  
Свои лохмотья сунув мне взамен?  
Угодливый язык и слог невежды —  
Кто мнил, что я обману сдамся в плен?

Кто цвет весенний рад побить был градом,  
Кто травы заморозить был готов?  
Всю жизнь свою я был с народом рядом,  
А выгляжу теперь, как пустослов...\*

1939

---

\* Стихотворение написано после выхода в свет сборника поэта «Мое слово» (Нальчик, 1939), где авторские оригиналы многих произведений после редакции оказались искажены.

---

\* \* \*

Я – часть живого. Жил. Горел светильник.  
Кузнец я был. И много книг прочел.  
Я, старших уважая, годы чтил в них  
И путь земной, страшась греха, прошел.

Останутся мой горн и наковальня,  
Мой молот, что в работе был горазд.  
Никто не знает с миром расставанья,  
Покуда все, что должен, не отдаст.

Умру – в мой двор придут односельчане,  
Придут, скорбя, со всех концов села,  
Молясь, чтоб на меня не осерчали  
Те, кто итожит бранные дела...

Молитву старцы вознесут неспешно.  
Рвать волосы останется сестре.  
Мой старый пес завоюет безутешно...  
Три дня пробудут люди будут во дворе.

Могильный холод стиснет мое тело.  
Минкир с Накиром жизнь мою прочтут.  
При жизни от молитв лицо светлело —  
Я буду там таким же, как и тут.

«Един Аллах...» — так скажут возле кузни  
Те, чья глава от долгих лет бела.  
Даст Бог — и я, своей могилы узник,  
Живым пребуду в памяти села.

1943

---

## ЗАВЕЩАНИЕ

К тем, кто будет меня обмывать,  
Совершая последний обряд,  
К тем, кто будет по мне горевать,  
Сна не ведая ночи подряд,

К тем, кто будет могилу копать,  
К тем, кому мое тело нести,  
К тем, кто будет мой прах засыпать,  
К тем, чьи дальше уходят пути, —

К ним ко всем с завещаньем своим  
Обращается ныне Кязим:  
В трудный час, чтобы выжить и жить,  
Надо ближним уметь дорожить.

В единении — сила, расцвет.  
Без любви единения нет.  
Пусть язык ваш не знает вражды,  
Пусть ваш дом не узнает беды.

1944

---

## НЕ ПАДАЙТЕ ДУХОМ

Вот завещание мое и заповедь моя.  
К народу обращаюсь я, надежды не тая:

Несчастье наше велико — ведь наш очаг потух,  
Но ныне тверже, чем всегда, пускай пребудет  
дух!

Я буду это повторять, твердить все дни  
подряд,  
Пока мне деревянного коня не снарядят\*.

Я много прожил на земле и видел много бед,  
И потому я навсегда сказал насилью: нет!

Уже так скоро навсегда я сгину, божий раб.  
По телу слабость разлилась, недужен я и слаб.

---

\* Устойчивая метафора, обозначающая носилки для похорон.

Теперь я стар, но вот опять тоскою обуян —  
В изгнанье, в ссылке нахожусь среди  
односельчан.

Аллах! Прошу сегодня я всего лишь об одном:  
Терпения народу дай, чтоб вновь обрел свой  
дом.

Когда иссякнет та вода, что суждено испытать,  
Я потеряю голос свой — порвется с миром нить.

Почувяв смерть мою, мой пес завоет, заскулит —  
И деревянного коня народ мне снарядит.

Я знаю: скоро я уйду навеки в мир иной,  
Пока же я еще живой, услышьте голос мой:

Не озлобляйтесь на страну, страна здесь  
ни при чем,  
Что на чужбине, вдалеке от родины живем!

Ведь лишь на скачках узнаёшь, чего твой  
стоит конь.  
Кого, скажите мне, не жгло страданье,  
как огонь?

Крепитесь, чтобы жизнь прожить, держась  
на высоте,  
Трудитесь, не жалея сил, чтоб не плестись  
в хвосте.

Вы много бед перенесли на горестном веку,  
Вы знали униженья боль и голода тоску,

Вы пропадали среди льдов и проливали  
кровь,  
Но, все на свете одолев, всегда вставали  
вновь.

Пусть в очагах родных огонь уже бессчетно  
гас,  
Пусть бури и лавины с гор домов лишали  
вас,

Народ всегда народом был, пребудет  
он живым.  
Внемлите же теперь тому, что говорит  
Кязим:

Изгнанья бремя тяжело, теперь оно опять  
На наши плечи возлегло, чтоб вновь  
нас испытать.

Коль сможем вынести его, то честь нам  
и хвала,  
А если нет — то лишь позор, бесчестье  
и хула!

В единстве — сила, только с ним мы обретем  
свой дом.  
Народ мой, я прошу тебя не забывать о том.

*1944*

# ПОЭМЫ

---



## РАНЕННЫЙ ТУР

Мы знаем свирепые бури,  
И зной мы терпели не раз.  
Сегодня о раненом туре  
Хочу я поведать рассказ.

Я все изложу вам события,  
Тоскуя опять и опять:  
Об этом не в силах забыть я,  
Об этом не вправе молчать.

Жаль, нет у балкарцев печати,  
А то б напечатал рассказ,  
Но мир — на заре, на закате —  
Сокрыт для невидящих глаз.

В горах у нас грамотных мало,  
Живет в темноте наш народ,  
И многих неволя сломала,  
И голод вздохнуть не дает.

Завьюжены сакли сурово,  
И вихри не молкнут в ночах.  
Сейчас я начну свое слово, —  
Лишь ветки подброшу в очаг.

У нас отнимают и поле,  
И хлеба голодный запас,  
Но сказки, но песни о воле  
Никто не отнимет у нас!

Опасны они супостатам,  
В них сила народа жива.  
Нет, мы не уступим проклятым  
Рожденные в сердце слова!

Я так же, как тур, окровавлен,  
Но раненый тур убежал,  
А я не бегу, хоть направлен  
Всегда в мое сердце кинжал.

Откладывать повесть не будем:  
В золу превратишься, гляди,  
Когда ты не выскажешь людям  
Все то, что пылает в груди.

О раненый тур, мы похожи,  
Я рапен, как ты, я горю,  
Я тоже страдаю, и тоже  
Я кровью своей говорю!

2

Красивый, большой, круторогий,  
Стремительно тур поскакал  
По узкой и трудной дороге  
К воде, что текла между скал.

Заснуло усталое стадо,  
А тур, опершись на утес,  
От волчьего хрипа и взгляда  
Всю ночь охранял диких коз.

Охотников знал он обычай,  
Он помнил, как щелкал курок,  
Но пули не стал он добычей  
И стадо пока уберег...

Заря за горой разгоралась,  
А стадо, напившись воды,  
По скалам неспешно взбиралось,  
Не зная, не чуя беды.

Таилась напротив засада.  
Вот выстрел гремит из-за скал.  
И вверх устремляется стадо.  
А тур? Он в крови, он упал!

Не в силах подняться по кручам,  
В лощину он бросился вниз  
И, жгучею раною мучим,  
В ущелье над бездной повис.

Охотник, в звезду свою веря,  
В горах обошел все пути,  
Но пулей пробитого зверя  
Нигде не сумел он найти.

А тур, изнывая от боли,  
В ущелье, где травка добра,  
Мечтая о жизни и воле,  
Всю ночь пролежал до утра.

Тяжелая рана горела,  
И странно ломило в костях,  
А кровь его жарко чернела  
На горных цветах и листьях.

Казалось, теперь он спокоен  
И хватит терпенья и сил.  
Он тяжкую рану, как воин,  
С достоинством переносил.

Подняться несчастному надо,  
Но каплями точится кровь.  
Совсем обессилел, но стадо  
Увидеть надеется вновь.

Пылает кровавая рана,  
Дышать на земле тяжело,  
И вверх он глядит непрерывно,  
Куда его стадо ушло.

### 3

Но где тот охотник, который  
Плутал по тропинкам глухим?  
Сегодня отправился в горы  
Сосед и земляк наш Хашим.

В нужде прозябая великой,  
Охотой кормил он семью,  
Скитался в горах горемыкой  
В безлюдном, лесистом краю.

Возникла скала снеговая.  
Увидел он перед собой  
Усталого тура: хромая,  
Бежал он отвесной тропой.

О ране своей забывая,  
Взбирался он вверх по скале, —  
Влекла его воля живая,  
Что людям нужна и земле!

За раненым гнался убийца,  
Чтоб тут же расправиться с ним,  
Чтоб крови горячей напиться, —  
И волка заметил Хашим.

Охотник ружье свое вскинул,  
И выстрел раздался, и волк  
Траву, задыхаясь, раздвинул,  
Упал и навеки умолк.

Почудилось туру, что снова  
Грозит ему пуля врага.  
Предчувствия полон дурного,  
Взглянул он, откинув рога.

Но были напрасны тревоги,  
Охотник исполнил свой долг:  
О тур, ты спасен, круторогий,  
Дождался гибели волк!

Охотник стремился ко благу:  
У бедных свобода в чести.  
Бедняк, пожалел он беднягу  
И туру позволил уйти.

4

За раненым из-за обрыва  
Следил неотступно Хашим,  
А тур побежал торопливо  
И скрылся за склоном крутым.

В горах заживет его рана,  
И вновь, озирая луга,  
Для стада он станет охраной,  
Степенно откинет рога.

Ты пули не бойся каленой,  
О тур круторогий, живи,  
В свободу и горы влюбленный,  
Во имя бессмертной любви!

Животному волю даруя,  
Подумал охотник Хашим:  
«Сегодня стрелять не смогу я», —  
И вниз возвратился пустым.

Детишки встречают на тропке:  
«Отец, турье мясо принес?»  
Но только мучнистой похлебки  
Поесть им в тот вечер пришлось.

О раненом туре хозяйке  
Охотник поведал рассказ,  
Поведал жене без утайки  
О том, что несчастного спас.

«Спасибо за доброе дело, —  
Сказала Хашиму жена, —  
Я б тоже его пожалела.  
Как славно, что жизнь спасена!

А мы кое-как перебьемся,  
За нас не тревожься, Хашим,  
Без мяса теперь обойдемся,  
Похлебки своей поедим».

Вершины закат окровавил,  
Вступает в селенье закат.  
К охотнику в саклю отправил  
Работника князь Джамбулат.

Свирепого князя работник  
И вечер — явились вдвоем:  
«Мой князь тебя кличет, охотник,  
Давай-ка со мною пойдем!»

Тот голос, угрюмый и резкий,  
Страшнее лесных голосов.  
Хашим в своей рваной черкеске  
Выходит на княжеский зов.

«Мир дому сему и отрада!» —  
Воскликнул, ступив на порог,  
И понял он с первого взгляда:  
Владелец разгневан и строг.

«Ты был на охоте? Что ныне  
Принес мне?» — спросил его князь.  
О том, что случилось в лощине,  
Хашим рассказал, не таясь.

Князь вспыхнул: «Как баба, как дура,  
Ты действовал, жалкий глупец!  
Мужчина жалеет ли тура?  
Растаял, как тает свинец!

Забыл ли ты с этого часа,  
Что туры нужны мне рога,  
Что турье мне надобно мясо,  
Что ты мой покорный слуга?»

«Да, я твой слуга безответный,  
Никак не уйду от нужды.  
Сам знаешь, что я многодетный,  
И дети легли без еды».

«К чему мне, дурак, твои дети?  
И знать мы о них не хотим!»  
«Иль жить мы не вправе на свете?» —  
Чуть слышно промолвил Хашим.

Насильник с душонкою мелкой,  
Князь крикнул: «Молчи, грязный пес!»  
И палкой с железной наделкой  
Хашиму удар он нанес.

Хашим пошатнулся у двери,  
Упал и поднялся с трудом.  
На князя, как ловчий на зверя,  
Он бросился сильным рывком.

Его задушил бы, пылая  
Всею кровью, — но множество слуг,  
Как волчья жестокая стая,  
На ловчего кинулись вдруг.

Бесправного горца избили  
И вытолкали за порог.  
Так люди бы не поступили  
С собакой... Запомним урок!

Да, крепко Хашиму досталось, —  
И сердце, и тело болит.  
Рука от побоев сломалась,  
А сердце — от горьких обид.

## 6

Хашим, словно тур круторогий,  
Ты встретился с волком сейчас,  
Но ты не увидел подмоги,  
Никто горемыку не спас.

Никто не решил, что обязан,  
Как ты, честно выполнить долг,  
И пулей ничьей не наказан,  
Не пал окровавленный волк.

От князя пришел ты калекой  
В свой бедный, безрадостный дом.  
Та рана, что ноет от века,  
Заныла и в сердце твоём.

Бесправие невыносимо,  
Противен мучительный гнет,  
И сердце болит у Кязима,  
И гнев ему спать не дает!

Я вижу твой жребий жестокий,  
Хашим, твоя рана горит.  
Когда я пишу эти строки,  
От боли я плачу навзрыд.

С тобой угнетаемый вместе,  
С тобою страдаю вдвоем,  
Но верю я: грянет возмездье  
В селенье моем и твоём!

Как туры, мы ранены оба.  
Скажи мне, о бедный мой брат,  
Исчезнут ли горе и злоба,  
Тяжелые, как снегопад!

Молю я: пусть Бог уничтожит  
Того, кто ударил тебя,  
Пусть Бог его беды умножит,  
Насилье и гнет истребя.

Пусть Бог его казнью накажет,  
Как ныне судьбой ты казним,  
Проклятье навечное скажет,  
Как я, твой земляк, твой Кязим!

Дуреют князья от гордыни  
И на небо смотрят, мочась,  
И легче живется скотине,  
Чем бедному люду сейчас.

Кто нищему горскому краю  
Даст волю? Как выход найти?  
Я горькие песни слагаю,  
Иного не зная пути.

Не хлеб ты вкушаешь, а горе,  
Мой раненый тур, мой народ,  
Но где же средь наших нагорий  
Охотник, что жертву спасет?

Ты бедствий изведаль так много,  
Как много в ущельях камней.  
Скажи мне, чья горше дорога,  
Скажи мне, чья доля трудней?

Все сыплются беды... Не так ли,  
За веком мучительный век,  
По трубам, полночью, в сакли  
К нам сыплется с копотью снег?

Пройдя над немой крутизною,  
Заходят в аул облака, —  
Не так ли холодной весною  
Заходит к нам в сакли тоска?

Что делать мне, если поныне  
Душа у народа болит?  
Хоть в реку бросайся в теснине,  
Когда она в ливень бурлит!

**Что делать? Как тур, из двустволки  
Ты ранен, мой бедный народ,  
За раненым гонятся волки,  
Но кто к нам на помощь придет?**

**Кто в нищих горах уничтожит  
Свирепую стаю волков?  
Кто нищим аулам поможет,  
Кто горцев спасет от оков?**

**Ты ранен, — но где же лекарство?  
Для хищников есть ли свинец?  
Кто вырвет язык у коварства,  
Кто ложь разгромит наконец?**

**Кязим, как и ты, окровавлен,  
Мой раненый горский народ,  
И горем, как ядом, отравлен,  
Он горькие песни поет!**

**8**

**О раненом туре пространный  
Рассказ я поведал сейчас,  
Но ваши кровавые раны  
Излечит ли этот рассказ?**

Но если, назло лихолетьям,  
Из уст перейдет он в уста,  
И станет известен он детям,  
В чьих саклях живет нищета, —

Быть может, он горцу поможет  
Найти в себе силу борца,  
И камнем воткнется, быть может,  
В пустые и злые сердца.

Насильники тронуть робеют  
Поэта, опасного им,  
Избить меня палкой не смеют,  
Как били тебя, мой Хашим.

Хотелось бы им невозбранно  
В темнице втоптать меня в прах,  
Зарезать меня, как барана, —  
Но знают Кязима в горах.

Не то я лишился бы сакли,  
И гибель обрел бы давно,  
И воды б в ущелье иссякли,  
Которые пить мне дано.

**«Посла не казнят», — есть присловье.  
Народ меня сделал послом,  
Чтоб нищее наше сословье  
Своим защищал я стихом.**

**Не смеют князья меня трогать:  
Из Мекки пришел я с чалмой!  
Но вражеский чувствую коготь,  
Мне смертью грозят и тюрьмой.**

**Пес лает, а ветер уносит.  
Я сросся с вершинами скал.  
Народ меня в горе не бросит:  
Я болью народною стал.**

**Насытить бы словом, как хлебом,  
Народ моей бедной земли!  
О воле молюсь перед небом,  
Чтоб жить на земле мы могли!**

*1907*

---

## ЖЕЛТЫЙ КОШ

### 1

Иные склонность к дикости и злобе  
Впитали с материнским молоком —  
А может быть, они еще в утробе  
Готовились к расправе с бедняком?

Они совсем лишили нас покоя,  
Насилье — вот единственный их бог.  
Мы трудимся — они, по-волчьи воя,  
Уносят все, как бешеный поток.

...Сегодня вновь волков свирепых стаю  
Призвал к себе всесильный князь Чона:  
Нацелились опять к чужому краю —  
Чужим добром натешиться сполна.

Вот по законам собрана скотина,  
Вот туч покров на лунный диск упал...  
Чона, а с ним и алчная дружина,  
Достиг тропы на перевал Мужал.

Ржет конь его не как перед забегом —  
Так только перед схваткой кони ржут.  
Чона же говорит своим абрекам,  
Указывая путь, что темен, крут:

— Эй, соколы Сванетии! Немало  
Мы одолели трудных горных троп,  
Вот только по ту сторону Мужала  
Давно лихих коней не слышен топ.

У горцев память, видимо, увечна —  
О нас забыли, ропот их утих.  
Пока они вкушают сон беспечно,  
Мы молнией обрушимся на них!.. —

На Безенги, себя не обнаружа,  
Несется волчья стая во всю прыть,  
Чтоб силою коварства и оружия  
Себе шальную прибыль раздобыть.

## 2

Все знают, но напомнить не мешает,  
Что жизнь в горах отменно тяжела.  
Никто там в одиночку не свершает  
Несметные насущные дела.

И глыбы сообца таскать сподручней,  
И скот пасти, и тяготы нести,  
Которые заоблачною кручей  
Даруются нам в жизненном пути.

На Желтом коше многие опору  
Себе находят, хоть и нелегка,  
Как и везде — что под гору, что в гору, —  
Здесь сумрачная участь бедняка.

Но не желали б лучшей себе доли  
Десятка два семейных очагов —  
И скот у них пасется на приволье,  
И нет у них завистников-врагов.

Ведь все же добрым было то ущелье,  
Чей склон крутой всходил на перевал —  
Не знали горя здесь, и об ущербе  
Здесь никогда никто не горевал.

Такое разнотравье здесь кружилось,  
Вкусна была так зелень и сочна,  
Что всем, кто содержал на склоне живность,  
Была другая вовсе не нужна.

Из Безенги стада на Желтом коше  
Держать привыкли летом с давних пор,  
И из Шики отары гонят тоже  
На благодатный луговой простор.

Боттаев Жашико, седлая мула,  
Пасет на коше живность земляков —  
Такие чабаны не смотрят снуло,  
От взгляда их уйти — что от оков.

Гайда с Тахиром в глубь ущелья смотрят,  
Чтоб недругов заметить наперед;  
Чуть что — раздастся сразу гневный окрик,  
Их бдительность лишь гибель отберет.

На Желтом коше время не напрасно  
Идет — благословил Аллах Сары\*<sup>1</sup>  
По мере сил сбивают горцы масло,  
Готовят всевозможные сыры.

И часто вниз, ослов сполна навьючив,  
В родные села юноши спешат  
С дарами коша, лучшими из лучших, —  
По многу раз челночный путь вершат.

---

\* Сары — желтый (балк.).

Вкус калачей, на коше испеченных.  
В себя вбирает солнечный простор,  
А запах пенок – розовых, сушеных –  
Всегда в восторг приводит их сестер.

На коше никогда не забывают  
И редкостный готовить мёрезе,\*  
Когда ж в гостях здесь путники бывают,  
То нет тогда нехватки и в бузе.

... Часы так долго тянутся ночные,  
Когда взираешь пристально во тьму!  
Зуха поет тихонько, остальные  
Припевом вторят слаженно ему.

Одежда, что намокла, просыхает  
У очагов, где тлеют кизяки.  
Зуха меж тем и сказок много знает,  
А с ними – ни тревоги, ни тоски.

К чему потоки сетований, жалоб,  
Когда доволен тем, как ты идешь?  
Конечно, загадать не помешало б,  
Чтоб Желтый кош не выкосил падёж.

---

\* Мёрезе – мамалыга с плавленым сыром.

Да не покинут травы добрых склонов,  
Покуда в очаге горит огонь!  
Коль псы стада доводят до загонов,  
Да не схлестнемся с яростным врагом!

Развеются пусть замыслы злодеев,  
Вовеки не коснутся голытьбы...  
Зачем, скулеж бессмысленный затеяв,  
Еще просить чего-то у судьбы?!

Всегда в трудах, в покое жить старались  
Шики с долиной — в этом всякий схож.  
В Усхуре и Тотуре собирались  
Все те, кого сдружил единый кош.

### 3

Тахир той ночью старшим был в дозоре —  
И в этом ему опыт помогал.  
Однако же, себе и всем на горе,  
Он князя-пса едва не проморгал.

Злодеи подошли совсем уж близко —  
Дай знак тревоги! Кош оповести!  
Что принесли с собою слуги риска?  
Не смерть ли всем, кто встанет на пути?

Как волчья стая, крадучись и рыща,  
На перевал разбойники взошли,  
Со скал вершинных вглядываясь хищно  
В пределы горцам служащей земли.

И тут Тахир сказал Молле чуть слышно:  
– Ты слышишь шум? Винтовку заряди:  
Пожалуй, что на мушку взять нелишне  
Злодея, что крадется впереди! –

Молла окинул гребень взором быстрым:  
Десятка два «гостей»... Ну, брат, стой!  
Прицелился джигит, и грянул выстрел –  
Упал злодей с пробитой головой.

Обрублена у древа яда ветка –  
А скольких отравить она могла!  
Хвала тебе, что так стреляешь метко,  
Сын Исмаила, доблестный Молла!

Услышав выстрел, свора их, зверея,  
Вперед метнулась, ярости полна.  
Прицелился Молла – и вновь злодея  
Сразил он с ходу, словно кабана!

А Шамсудин, стрельбу услышав тоже,  
В село отправил тотчас паренька,  
Чтоб всех там известил: у них на коше  
Ярится враг, придя издалека.

А сам он поскакал туда, где схватка  
Все жарче разгоралась; рвался в бой  
Не за себя — за всех, кому несладко  
Живется, изнуряемым судьбой.

В Гайду шальная пуля угодила,  
От раны руку сразу же свело...  
Хоть молод Шамсудин, но зрела сила,  
Тем более — за ним его село.

Однако враг, настырность обнаружа,  
Числом, конечно, их превосходил,  
К тому ж почти и не было оружия  
У пастухов, и бой неравным был.

Свистели вражьи пули — несть числа им —  
И высекали искры из камней.  
Вот Шамсудин схлестнулся с негодяем —  
И пал, сраженный в голову, злодей.

(Откуда они только появились,  
Мерзавцы, псы ночные, в душах — мгла?..)  
Но храбрецам Аллах дарует милость —  
Будь славен, сын Шаваевых, Молла!

Он, бросившись, свалил с коня абрека,  
Скрутил его, коленом придавил —  
На такое мужество от века  
У тех, в ком дух горит, достанет сил!

Всех мышц его так выпирала лепка,  
Что хватку и борец бы не разжал...  
Врагу он стиснул руки-ноги крепко,  
Проворно и надежно их связал.

Все жарче битва в сумрачной долине,  
Но толку что всего от двух стволов?  
И все ж джигитов не берет унынье,  
Любой из них пойти на смерть готов.

Вот князь Чона вперед аллюром быстрым  
Бросается на белом скакуне,  
Но грянул из винтовки меткий выстрел,  
Дорогу преградив ему вполне.

Он в сторону метнулся, зажимая  
Рукою рану, — нападет ли вновь?  
Ведь рана в поясницу — непростая,  
Отхаркивать заставить может кровь!

Увидев это, волки задрожали —  
Да, оборот подобный нехорош...  
Одни, однако ж, биться продолжали,  
Другие же пустились на грабеж.

Зуху, что из Боттаевых, избили,  
Над ним поиздевались, как могли, —  
У них повадки эти в изобилье, —  
Связали, а кобылу увели.

Коров, овец — добычу ночи злую —  
Погнали спешно всадники к себе.  
Пустынен кош, разграблен подчистую —  
Еще один удар в лихой судьбе...

Разбойники забыли и о князе,  
И о своем дружке, попавшем в плен, —  
Свои спасти бы шкуры! Безобразье?  
Но ведь чужая жизнь для них что тлен!

Молла, напрасно времени не тратя,  
Свою винтовку перезарядив,  
Воззвал ко всем: «Скорей в погоню, братья!» —  
Двоих с Гайдой и пленным отрядив.

4

Хусей, что из Анаевых, подросток,  
Хоть икры от усталости свело,  
Хоть путь отнюдь не мягок был, а жесток,  
Поспешно злую весть принес в село.

Мужчины, как один, нахмуриw брови,  
Коней мгновенно снарядили в путь.  
Все поняли: не обойтись без крови —  
Иначе угнанного не вернуть.

Тебо, что из Жабоевых, собрался —  
И с ним Али, живущий в Безенги;  
Хамма, Шами — любой из них старался  
Поспеть туда, где скрылись их враги;

Биберт, что из Холама, торопился —  
И Жумарук, с кем я в Шики мужал;  
Махай с Жашуком — всяк из них стремился  
Не дать злодеям скрыться в свой Мужал.

Все остальные помогали рьяно —  
Оружием снабдили, как могли,  
Напомнили при том, что очень странно,  
Коль псы такие топчут лик земли.

Князь горский, на коне гарцуя статном,  
К ним с речью обратился вот какой:  
«Коль не дадим отпора супостатам,  
То в села к нам не явится покой!

Пощады нет им — души их померкли!  
А то и света не было вовек...  
Достойны, чтоб огонь спалил их церкви,  
Те, кто коварный учинил набег!»

Бойцы, в пути не растерявши пыла,  
Достигли вмиг подножия горы.  
Решенье их и впрямь суровым было:  
Прикончить всех, напавших на Сары!

На перевале где-нибудь засаду  
Устроить и злодеев поджидать —  
Расправиться, затем, подобно граду,  
На села их обрушиться: воздать

За все сполна! Шами, что из Усхура,  
Сказал: «Да что нам этот перевал!  
Навалимся на земли их, как буря, —  
Вернем им порожденный ими шквал!»

Горяч Шами, отчаян до предела,  
И конь его во всем ему под стать:  
Упрямя, ретив, берет преграды смело;  
Еще немного — смог бы и летать...

«Вполне, Шами, с тобою я согласен, —  
Сказал Биберт. — Кто ж спрячется, как крот,  
Кто будет безмятежен, безопасен,  
Когда безвинный мучают народ?!

Но знайте: не народ их стал нам розным —  
С бродягами, с абреками вражда,  
Что собственные села гнева гроздьям  
Подставили, не ведая стыда!»

Биберт был рассудителен, спокоен  
И чем-то на наставника похож.  
Оставив в седлах их, пастух и воин,  
Коня направил он на Желтый кош.

Да выльется, расплавившись, в предгорье  
То золото, что кроется в горе!  
Вдове Чоны познать такое ж горе,  
Какое испытать пришлось Сарé!

Да, ждут вдову Чоны теперь рыданья:  
Сарá недаром слезы пролила —  
Ведь князя (что принес ей все страданья,  
Убив Гайду) сразил джигит Молла.

Средь созданных когда-либо Всевышним  
Прекрасных и высоких душ нигде  
Души подобной, верно, мы не сыщем,  
Что Им была дарована Гайде...

Он золотом Саре своей был милой,  
Ее он от Шаваевых взял в дом;  
Боттаева Шако он главной силой  
Был...В гибель его верится с трудом!

Всю жизнь отнюдь не в праздности проведенный,  
Рук не щадивший так же, как и ног,  
Сегодня наш Гайда на Желтом коше  
Испил последний свой воды глоток.

Святой наш покровитель и опора  
Всех пастухов, великий Шогайып,  
Что нас в горах не бросит без призора,  
Убережет от падающих глыб,

К Гайде явившись, завещал бедняцкой  
Быть живности хранителем, и он,  
Лишь совесть себе выбравший указкой,  
С отарами излазал каждый склон.

Бывало, пробирался меж расселин —  
Ведь он всегда без усталости искал  
Участки, где всего сочнее зелень,  
При этом одолев немало скал.

Для «подопечных» ни воды, ни соли  
Он не жалел, все знают, никогда,  
И можно утверждать, что поневоле  
Тучнели им ведомые стада.

Как много в жизни троп крутых прошел он —  
И не за мзду трудился, не за страх...  
Но враг, известно, подл и вероломен, —  
Несчастливого не спас и сам Аллах.

Одна из пуль ему попала в руку,  
Другою был он в сердце поражен.  
Познать теперь Саре печаль и муку —  
Не выставить беду из дома вон...

6

Тахир и Шамсудин, подъехав к кошу,  
Разбойника на привязи вели  
И тяжкую неимоверно ношу —  
Погибшего Гайду они везли.

Следы беды пред ними простирались —  
Все в прах здесь обратилось и в труху...  
Они, конечно, сразу постарались  
Освободить от крепких пут Зуху.

Совсем он ослабел уже, бедняга,  
Все члены посинели, затекли —  
Он не сумел не то что сделать шага,  
Но даже оторваться от земли.

Тахир и Шамсудин присели рядом,  
Вздыхая и кляня свою беду:  
Обзаведемся утварью и стадом,  
Но как вернуть нам доброго Гайду?!

Погоревав, беднягу уложили,  
Как подобает. «Посох и седло  
Хозяина лишились, — рассудили. —  
Что ж, подождем — гонцов пришлет село...»

А князь Чона, разбойный путь избравший,  
Гайды проливший праведную кровь  
И солнце у Сары навек укравший, —  
Он зря спастись пытался, прыгнув в ров!

Нет, грабить ему больше не придется —  
Своей же кровью захлебнулся он.  
Погиб от справедливой кары горца  
Тот, кто сказал: «Беспечен горцев сон!»

Приволокли и князя, уложили  
Поодаль от Гайды. Беда — одна,  
Но до того по-разному прожили  
Они свой век, что схожесть не видна.

Один трудился, устали не зная,  
И никому не причинял вреда;  
Другого же вела стезя иная —  
Он зло творил, не ведая стыда.

Один, чтоб гор смягчилась стужа злая,  
Кизяк в очаг свой бережливо клал;  
Другой, кичливо саблю обнажая,  
Насильников таких же возглавлял.

Один всегда по воле жил Аллаха,  
О Судном дне вовек не забывал;  
Другой был верен силам зла и страха,  
Молитв же никаких не признавал.

Один, и лишний час на сон жалея,  
Работал так, чтоб дом не голодал;  
Другой, жить задарма мечту лелея,  
Хотел, чтоб тот, кто трудится, страдал.

И вот Чона окончил век свой вздорный,  
И пленнику дороги нет назад —  
Он, как и князь, ступил на путь позорный,  
Который всех приводит только в ад.

Три пастуха заспорили, гадая,  
Не сразу ли его и порешить —  
Разбойника, подонка, негодяя,  
Лишившегося права дальше жить.

Гнев праведный сердца им так и гложет,  
Их разум убеждая вновь и вновь,  
Что горе по Гайде смягчит, быть может,  
Злодеем черным пролитая кровь...

7

Биберт, от горя еле узнаваем,  
Подъехал; понял он, что в душах их  
Творится. «Пленных мы не убиваем», —  
Напомнил. Голос был печален, тих.

Услышав слово старшего, смутились,  
Пыл мщенья поумерив, пастухи;  
А пленник к жерди был привязан, силясь  
Понять, простят ли здесь его грехи.

Биберт окинул строгим, скорбным взглядом  
Разбойника застывшие черты.  
Юнец ведь! — а уже отравлен ядом  
Насилья... только в казни правоты

Не будет, хоть понятен гнев, понятен...  
К Тахиру он подъехал и, склонясь,  
Сказал: «Я понимаю — неприятен  
Вам даже его облик; но, озлясь,

Не стоило бы выносить решение.  
Взгляни — он даже бороду не брил!  
Прости, но у меня такое мнение,  
Что я бы его взял да отпустил.

Закон: «Кровь смывает кровь!» — добро сминает  
Виновен он, конечно, спору нет,  
Но только мать сейчас он вспоминает —  
Простим ему по молодости лет!»

Тахир, нахмурясь, на Биберта глянул,  
Потом проговорил, потупив взор:  
«Биберт, но если враг на нас нагрязнул,  
То добрым быть — стыдобище, позор!»

Как можешь говорить ты о прощенье,  
Когда пришел он грабить, убивать?  
Пускай забудет он о возвращенье,  
Пускай навек свою забудет мать!

Не лучше ли последовать за ними,  
Найти и отобрать свои стада,  
А их — убить! Уйдут от нас живыми —  
Как зваться нам мужчинами тогда?!»

И Шамсудин, словам Тахира вторя,  
Сказал: «Я тоже думаю – нельзя  
Прощать всем тем, кто псами зла и горя  
Ворвался к нам, и грабя, и разя.

Те подлецы, что из-за перевала  
Явились, все тропинки знают тут.  
Коль действовать сейчас мы будем вяло,  
Они уйдут, от мести ускользнут». —

«Аланы, уж поверьте, мне известно  
Все то, о чем твердите вновь и вновь.  
К врагам, конечно, жалость неуместна,  
Но я боюсь, что зря прольется кровь.

Юнец пред нами — все мы это знаем.  
Порой наивны юные сердца  
И могут, повстречавшись с негодяем,  
Попасться в сети хитрого лжеца.

Отец и мать его за перевалом  
От горя будут чахнуть, изнывать:  
Ведь горе это будет небывалым,  
Врагу не пожелал бы испытать!

К тому ж у нас подобные «джигиты»  
Встречаются не реже, чем везде, —  
И судьбы ими многие разбиты,  
И многих привели они к беде...

Шакманов Даулет без наставленья  
Нас не оставил — он сказал, чтоб мы  
Спалили все их горные селенья,  
Повергли в ужас души и умы.

Все верно: их злодейство, их коварство  
В который раз узнали мы сполна,  
Но все одним насилием коваться  
Не может, потому что жизнь сложна.

Чона всю жизнь злодеем был позорным —  
Аллах управу скорую нашел.  
Всегда стремился князь к дорогам черным —  
По черной же дороге и прошел.

Но не равнять же нам теперь всех сванов  
С их князем злополучным! Их народ,  
Как мы, бредет вслепую средь буранов,  
Как мы, крихтит под тяжестью невзгод...»

Задумался Тахир: как тут поспоришь?  
Насчет невзгод Биберт, конечно, прав.  
А пленник их и впрямь юнец всего лишь...  
И он сказал, крутой смирив прав:

«Да, это так. Коль смерть на смерть помножим,  
То никогда не кончится она.  
На поле боя смерть — одно, положим,  
Но пленников касаться не должна». —

Биберт кивнул: «Его вы захватите,  
Пусть тропки вам укажет по пути.  
А там, на перевале, отпустите,  
Велев домой, к родителям идти.

Быть может, он тогда нам станет другом,  
А если вновь пойдет войной на нас,  
Тогда уже получит по заслугам —  
Пускай не ждет он в следующий раз

Пощады. Впрочем, смерть в бою почетна,  
Ее благословляет сам Аллах;  
Но вряд он против нас пойдет охотно —  
Когда не понимание, то страх

Его удержит... Ладно, вам — в дорогу,  
А кош пока оставьте на меня.  
Дождусь, пока пришлют сюда подмогу,  
Доставят деревянного коня...»

Встав в скорбный круг, молитву сотворили  
Они по убиенному; потом  
Три пастуха в погоню поспешили,  
Взяв пленника своим проводником.

В тот день, однако, им на перевале  
Не удалось настичь своих врагов:  
Чуть опоздали — и не отобрали  
Они отар балкарцев-бедняков.

Лишь за полночь, уставшие безумно,  
Все к кошу воротились наконец  
И стали возмущаться — горько, шумно, —  
Что не настиг абреков их свинец...

8

Народ угрюмо, хмуро собирался  
На площади селения Мужал —  
Он грозивою тучею казался;  
Восторга здесь никто не выражал,

У берега остатки видя стада  
Украденного — крут был перевал,  
И, словно цвет весны во время града,  
Скот по дороге таял, убывал.

Не видят люди, всюду озираясь,  
Чоны на статном белом скакуне;  
Стоят, не замечать их глаз стараясь —  
Глаз тех, кто крал добро на стороне.

Абреки же, горды собой, столпились  
Вокруг скота, что вскормлен был не тут;  
Добиться одобренья схода силясь,  
Они похвал, приветствий жадно ждут —

От землешцев, от каменотесов,  
От пастухов, что так же скот пасут,  
Как те, что за грядою скал, утесов  
Украденный оплакивают труд...

В молчании стоят односельчане  
И родичи разбойников лихих,  
И лишь в Бесо, могучем великане,  
Огонь, с утра пылая, не затих —

Он в ярости... Является священник  
Мужала — золотая цепь его  
Слепит глаза; бородка, словно веник,  
Топорщится, а в глазках — торжество.

Он ударяет посохом о землю  
С хозяйским видом. Ясно по всему,  
Что к вере он относится, как к зелью,  
Которое способно дать ему

Сельчан всех подчинить своей лишь воле,  
Надеясь, что на каждый его чих  
Наздравствуются... Нынче он доволен  
Деяньями разбойников своих.

«То было не насилье — справедливость! —  
Кричит он. — Захребетных лютых псов  
Сознание до того уже растлилось,  
Что крест топтать любой из них готов!

Не мы ли подвергались их набегам —  
Безбожников, живущих за горой?!  
Давно пора отпор дать их абрекам,  
Младенцев похищающим порой!

**А Жургубая разве вы забыли,  
Разграбившего наш священный храм?!  
Он крест златой, что мы века хранили,  
Похитил – это памятно ли вам?**

**Тот крест златой, что озарял нам лица,  
Господь когда-то сванам завещал,  
И, если нашим людям заблудиться  
Случалось, их на путь он возвращал.**

**Когда же он исчез, благословенье  
Господне нас покинуло, и вот  
С тех пор скорбит и бедствует селенье,  
Народ в нужде и голоде живет...**

**Мы не творили им такого горя!  
Долг, сами понимаете, за кем!  
Когда б угнали мы весь скот Загорья  
И данью обложили весь Чегем,**

**То и тогда креста святого благость  
Для нас не возместилась бы ничуть...  
Так кто кому – скажите, люди! – в тягость?  
Нас не в чем басурманам упрекнуть!**

**Мы мстить должны проклятым басурманам!  
И ненависть должна в сердцах гореть!  
Пусть каждый, кто себя считает сваном,  
Не забывает этого и впредь!»**

**Кому-то эта речь пришлась по нраву:  
Довольны богачи, довольна знать —  
Они, что те абреки, на расправу  
Горазды — и способны их понять.**

**Все родичи Чоны, друзья и свита,  
Хватаясь за кинжалы, гомонят,  
Что вражья свора в землю будет вбита,  
Что вырежут чегемцев — всех подряд.**

**Село, что мирным было, будоража,  
И стар и млад стараясь с толку сбить,  
Они уже того достигли ража,  
Когда грозятся горы сокрушить!**

**Но злобствующим их безумным крикам  
Сельчан не удастся обмануть:  
Они, о преступленье зная диком,  
К насилью не склоняются ничуть.**

И вот, чтоб не взошли ростки дурного,  
Чтоб раскрутить обратно колесо —  
От зла к добру, — берет бесстрашно слово,  
Суть дела доводя до всех, Бесо:

«Не раз, не два гостили мы в Чегеме.  
Кто там бывал, прекрасно знают, сколь  
Они радушны — помыслами всеми!  
Едали мы их хлеб — и сыр — и соль...

А ведь в горах куда как камня больше,  
Чем хлеба! Им за это — исполать!  
А наши псы такое в мирном коше  
Устроили... в аду бы им пылать!

Народы наши вместе все решали,  
Соразмеряли все свои шаги;  
Теперь же — из-за их и нашей швали —  
Мы не друзья, а лютые враги!

На кош чужой набросились абреки,  
Пролили человеческую кровь,  
А поп зовет нас в новые набеги,  
Насилие благословляет вновь...

С лихвою натерпелись мы коварства,  
Нам не нужны ни злоба, ни разбой.  
Со всеми в мире надо оставаться,  
Нужны нам: мир — согласие — покой!»

Промолвив это, глянул он сурово  
На всех, кто стал оружием бряцать,  
На «воинство святое», что готово  
Иную веру напрочь отрицать.

Продолжил он: «Вражда нам — только бремя,  
Что ж спорить, если доводы ясны?  
Сейчас, считаю я, настало время  
О теле позаботиться Чоны».

Священник же опять твердит упорно,  
Напрасно уповая на успех,  
Что храма разорение — позорно  
Прощать; что надо вырезать их — всех!

(Да, правда то, что некогда в Чегеме  
Агаев Журтубай, абрек и вор,  
«Прославился» деяниями теми,  
Чья слава на поверку — лишь позор.

Но правда также то, что он ни разу  
Порога храма не переступал –  
За мерзкою проказою проказу  
Творил, но до подобного не пал.

К чему ж плести такие небылицы,  
Что сеют меж народами вражду?  
Промчались годы, как по небу птицы, –  
К чему же черпать прошлую беду?)

...Селенье разделилось на две части:  
Решила не сдаваться беднота,  
Не уступать богатству, силе, власти,  
Не осквернять неправдою уста.

Решили без пальбы уладить дело  
Те, у которых нечего отнять;  
Решили, чтоб враждебность ослабела,  
Усилья к примиренью предпринять.

Ведь это так естественно, так верно –  
Согласием вражду переломить!  
Народы были б счастливы безмерно  
Соединить разорванную нить...

За перевал посланников собрали,  
И во главе с Бесо они пошли,  
Гоня с собой овец, что вырастали  
На землях, вдруг оказавшихся вдали.

Зухи кобылу прихватили даже,  
Чтоб тоже стать свидетельством могла:  
Не псы в Чегем идут, не ради кражи, —  
Друзья идут... да сгинула бы мгла!

9

Чтоб краденых овец, что уцелели,  
Вернуть, не быть в постыднейшем долгу,  
Посланцы тяжкий путь преодолели  
И оказались возле Булунгу.

В долину Мёлюшки они вступили  
И всадников приметили вдали —  
Их взгляды беспокойны явно были,  
Но зла таить как будто не могли...

Али быстрее всех был возле сванов,  
Зухи кобылу сразу же узнал —  
И удивился: надо же, раз канув,  
Пришла обратно через перевал!

Пришельцы, смешась, видно, собирались  
О чем-то толковать... Друзья Али  
Подъехали, тревожно озираясь  
На скалы, замеревшие вдали.

Зухи кобыла радостно заржала  
И тотчас, напряженность разрядив,  
К хозяину поспешно подбежала,  
В глазах людей улыбки породив.

Увидев это, поняли чегемцы,  
Что мести им сейчас искать не след,  
Что с миром к ним явились иноземцы,  
А это — лучше воинских побед!

Приглядываются они к пришельцам —  
Стоят, смиренно головы склонив...  
Бесо их поражает, на чистейшем  
Балкарском языке заговорив:

«Пришло к вам горе из-за перевала,  
И выстрелы в ночи гремели вновь —  
То наши нечестивцы, из Мужала,  
Невинную пролить явились кровь.

Скорбим об этом... На добро позарясь  
Чужое, потеряли они стыд —  
Бездельников всегда снедает зависть!  
Такое, знаю, вряд ли кто простит.

Но для посланцев нет угрозы смерти,  
Поэтому, явившись ныне к вам,  
Я говорю: накажем мы, поверьте,  
Тех псов, что навлекли позор и срам

На нас на всех... Народ их осуждает,  
Он хочет мира с вами, не войны.  
Война покой, столь нужный всем, раздавит...  
Но, впрочем, только вы решать вольны,

Явиться ль к нам друзьями, не врагами:  
Вина здесь целиком лежит на нас.  
И я, прошу вас, рассудите сами —  
Карать ли вам иль миловать сейчас.

Пусть даже будет ваш ответ стократен,  
Виной лишь мы, я повторяю вновь;  
Ваш справедливый гнев нам всем поняген,  
Хотя бы вы и кровью смыли кровь...»

Биберт взглянул на спутников в смущенье:  
Те тоже были сильно смущены.  
Хотя пылали раны, примиренье  
Сияло солнцем из-за пелены.

Биберт о пленном сразу же припомнил:  
Да, надобно его освободить —  
Не до конца ж Чона его наполнил  
К насилью жаждой... к сванам отрядить...

Сказал он: «Нам, чегемцам, это ясно:  
В том, что случилось, вовсе не народ  
Виновен — как и нас, его всечасно  
Пытают горы тяжестью невзгод.

Подлец произрастает повсеместно,  
Не хочет жить он праведным трудом,  
Но кто жесток к соседу, тот, известно,  
И в собственный стрелять способен дом.

Нам ведомо, что вы не из незрячих,  
Добры вы, трудолюбья не отнять.  
Мы верим, что своих собак бродячих  
Вполне вы сами сможете унять!»

Друг другу они руки протянули  
И, помирившись, тотчас поклялись  
Впредь никогда не посылать друг в друга пули,  
От мести и от крови отреклись.

В чегемских кошах сванов привечали,  
Соседей потчевали, как могли, —  
Так люди, что душой не измельчали,  
Себя ведут во всех концах земли.

Наутро и Бесо пошел с гостями  
К себе обратно через перевал...  
С соседями, как с добрыми друзьями,  
Приветлив был заоблачный Мужал.

Котлы — их девять — с лучшим угощеньем  
Дымятся на дворе Бесо; вражда  
Ушла, сменясь всеобщим примиреньем;  
Отведена безумная беда.

На длинные столы кладут баранов  
Зажаренные туши, и блестит  
Янтарное вино соседей-сванов,  
Торжественный придав застолью вид.

Любой, кому предоставляют слово,  
Согласье восхваляет, славит мир, —  
Да сгинет из сердец корысть и злоба:  
В честь этого устроен ныне пир.

Нередкой гостьей смерть в горах бывает,  
Не реже на равнину держит путь;  
Беда дороги к нам не забывает —  
Домов бедняцких ей не обогнуть.

Но те, кто жив, должны всегда стремиться  
К согласию — и к правде — и к добру;  
Открытыми да будут наши лица —  
Без разницы, в труде ли, на пиру.

Создателю возносим ныне славу,  
Что достает у человека сил  
На зло внутри себя найти управу,  
Преодолеть воинственный свой пыл!

Тот, кто живет насильем да разбоем,  
Своим да будет промыслом казним!  
Враждою меж людей обеспокоен,  
Слагал свои стихи хромой Кязим.

**Молюсь, чтоб побеждали те, кто правы,  
Чьи искренни и праведны сердца,  
А те, кто захотел кровавой славы,  
Пускай ее познают до конца!**

*1916*

---

## БУЗЖИГИТ

### 1

Всю землю озаряя,  
Сверкая вновь и вновь,  
Подобно птице рая,  
Слетает к нам любовь.

Но этой птицы крылья,  
Лишившись вышины,  
Не раз в огне насилья  
Бывали сожжены.

Печалились нередко  
Поэты с давних лет:  
«Любовь цветет, как ветка,  
Но вянет юный цвет».

Меджнун блуждал в пустыне,  
Любовью одержим, —  
Печаль его поныне  
Близка сердцам людским.

Она живет в народе,  
Как вихря буйный взлет,  
Как ветер в дымоходе,  
И плачет, и поет.

Кязим в тиши нагорий  
Скорбел в глухой дали,  
Когда прочел о горе  
Меджнуна и Лейли.

Их жаркое влечение  
Прославлено людьми.  
В них — Навои свеченье,  
В них — пламя Низами.

В них — Физули крылатый,  
Что отнял мой покой:  
Как над могилой брата,  
Я плакал над строкой.

Поэты! Всем влюбленным,  
Постигнув боль земли,  
Вы словом раскаленным  
Отраду принесли.

А на земле поныне  
Царят и страх, и гнет,  
И до сих пор в кручине  
Меджнун в степях бредет.

И гибнет птица рай,  
Опалена огнем,  
И вянет, умирая,  
Любовь в саду земном.

Фархад крушит громаду  
Угесов и теснин,  
И плакать по Фархаду  
Не устает Ширин...

Вовеки не забудем  
Вступивших с гнетом в спор:  
Они, как звезды, людям  
Сияют до сих пор.

Не стало б света в мире  
Без их любви живой:  
На всей подлунной шире —  
Один лишь волчий вой!

Чтоб исцелить больного, —  
А болен весь Восток, —  
О Бузжигите слово  
Начну я в нужный срок.

Того, кто сломлен гнетом,  
Кто умер молодым,  
Мы окружим почетом,  
Мы повестью почтим.

Для вас душа открыта,  
Вы мне родней всего.  
Оплачем Бузжигита,  
Как брата своего.

2

Жил некий старый зодчий,  
И говорит молва:  
Трудилась дни и ночи  
Седая голова.

Он жил, свои созданья —  
Свои дома — любя,  
Как будто эти зданья  
Он строил для себя.

**Единственного сына  
Растил он, знаменит.  
Работою старинной  
Увлекся Бузжигит:**

**Науке зодчих с детства  
Отец учил его. Твердил:  
«Тебе в наследство  
Оставляю мастерство.**

**Пойми: оно — безмерно,  
Мудрей и старше нас.  
Без мастерства б, наверно,  
Весь род людской угас.**

**Рать мастеров несметна,  
В них — свет и мощь добра.  
Да, мастерство бессмертно,  
Хоть смертны мастера.**

**Мы для труда родились,  
Мы, люди мастерства, —  
Чтоб камни превратились  
В поющие слова!**

Из камня песнь слагаем,  
Из древа создаем.  
Построив, умираем,  
Но остается дом.

И должен ты усвоить,  
Что я любил живых,  
Что, кроме блага – строить,  
Не знал я благ других.

Что в мире, где так много  
Обманов и невзгод,  
Была моя дорога  
Прямой из года в год.

Что там, где ропот вдовий  
И плач сирот слышны,  
Ничьей не пролил крови,  
Не жаждал я войны.

К моим рукам пристала  
Известка, а не кровь,  
Я строил, – мне блистала,  
Меня вела любовь.

Не притеснял я нищих,  
Не обижал детей:  
Хотел я, чтоб в жилищах  
Дышалось им вольней.

Я слит с землей родною,  
Я с каждым камнем слит.  
Пусть камень надо мною  
Надгробием стоит.

Земля мой прах остудит,  
Но средь людей, в тепле,  
Мой труд, мой дар пребудет  
На милой мне земле.

Я шел дорогой длинной,  
Для светлой цели жил,  
И с деревом, и с глиной,  
И с камнем я дружил.

Спокойно мир покину,  
Когда к таким трудам  
Единственному сыну  
Любовь я передам.

Прославлен тот, кто строит,  
Но помни, дорогой,  
Что славы блеск не стоит  
Одной слезы людской.

Ребенка защищая,  
Мы счастье утвердим.  
Что слава мировая  
Пред этим счастьем? Дым!

Увы, богатство тленно,  
И слава, и почет.  
Лишь доброта бесценна,  
Лишь правда не умрет.

В жестоком мире этом  
Для правды, сын, живи.  
Твой труд да станет светом,  
Источником любви.

Пройди, с неправдой в споре,  
Свой честный, долгий путь,  
И в радости, и в горе  
Ты человеком будь!»

По делу в край далекий  
Поехал Бузжигит.  
На улице широкой  
Сын зодчего стоит.

Красавица, сверкая,  
Проходит перед ним, —  
Красавица такая,  
Что свет мы с ней сравним!

Она земли касалась,  
Как нежная весна,  
И юношу, казалось,  
Заметила она.

И девушка, и свита  
Вошли в богатый дом,  
Оставив Бузжигита,  
Объятого огнем.

Ее глаза блеснули,  
Как две звезды в листве.  
Была в ней стать косули,  
Бегущей по траве.

**Земля пред ней робела,  
Смущаясь все сильней,  
И тополя несмело  
Склонялись перед ней.**

**Она вгоняла в краску  
Людей, как жар костра,  
Все превращала в сказку,  
Как юности пора.**

**Казалось, свет нетленный  
Она дарит земле,  
А без нее Вселенной  
Пришлось бы жить во мгле,**

**На светлые поляны  
Сползли бы ледники,  
Подули б ураганы,  
Засохли б родники,**

**Не стряпалась бы пища,  
Погасли б очаги,  
И мирные жилища  
Разрушили б враги!**

Так думал в то мгновенье,  
Пылая, Бузжигит.  
Душа его в смятенье  
Ликует и дрожит.

На дом глядит в тревоге.  
Уйти б, уйти б назад!  
Но подчиниться ноги  
Безумцу не хотят.

Как встречи с ней добиться?  
Кто, кто она? Чья дочь?  
Беда – в нее влюбиться,  
Но как беде помочь?

Вкруг дома он кружился,  
Вздыхая и горя,  
Покоя он лишился,  
С собою говоря:

«Я обезумел разом.  
Как вырвусь из огня?  
Любовь, верни мне разум,  
Спаси, спаси меня!

Я не увижу неба  
Отныне без нее.  
Забуду запах хлеба  
Отныне без нее.

Что мне трава под зорькой  
Отныне без нее?  
Вода мне станет горькой  
Отныне без нее!»

Так до глубокой ночи  
Бродил он взад-вперед.  
Поклялся юный зодчий,  
Что девушку найдет!

4

Ушел он, смуты полон.  
Кругом — ночная мгла.  
К старухе в дом вошел он,  
Что рядом с ним жила.

Соседке он открылся,  
Как матери родной,  
Что в девушку влюбился,  
Что потерял покой.

## Старуха

Я поняла, не глянув:  
Дочь хана — страсть твоя.  
К ней сватаются ханов,  
Султанов сыновья.

Ее назвать мы вправе  
Отрадой наших дней.  
Нет девушки в державе  
Красивей и умней.

## Бузжигит

То, что она прекрасна,  
Я сразу понял сам:  
Поверил не напрасно  
Я собственным глазам!

Мне на земле веселья  
Не будет без нее,  
Вся жизнь — как подземелье  
Мне будет без нее!

## Старуха

И ты, сынок, приходишь,  
Чтоб радовать людей,  
Жилье, где день проводишь,  
Становится светлей.

Она тебе желанна,  
Другу другу вы под стать,  
Но разве дочке хана  
Ты можешь мужем стать?

## Бужигит

Мне чаянья такие  
Открылись в краткий миг,  
Что я забыл впервые  
Про ханов и владык.

Как будто в мрак темницы  
Низринут с давних лет,  
Я в первый раз денницы  
Увидел добрый свет.

Куда я взор ни кину, —  
Я зорче стал теперь.  
О мать моя, как сыну  
Мне помогай и верь!

### С т а р у х а

Но ханы к просьбам глухи,  
И знаю наперед,  
Что речь простой старухи  
До хана не дойдет.

### Б у з ж и г и т

Просить тебя не стану  
С ним попусту болтать:  
Известно мне, что хану  
Сын зодчего — не зять.

Но к дочери владыки,  
Прошу тебя, приди,  
Поведай про великий  
Огонь в моей груди.

## Старуха

Пойду! Пусть разразится  
Беда у ханских врат,  
Пусть мне грозит темница,  
И пусть меня казнят, —

Тебе хочу я с честью  
Помочь как жениху.  
Пойду — и чудной вестью  
Утешу Зулейху.

### 5

Старуха с тонкой речью  
Проникла во дворец,  
Устроив тайно встречу  
Двух любящих сердец.

Душа душе открыта,  
И льются, как стихи,  
Признанья Бужжигита  
И юной Зулейхи.

Свиданья – все любовней,  
Но ясен ей конец:  
Не даст на брак с неровней  
Согласья хан-отец.

Они решили оба  
Бежать из той страны,  
Везде, везде до гроба  
Любви своей верны.

Но полон мир коварства,  
Донесят хану: прочь  
С любовником из царства  
Бежать решила дочь.

Хан вызвал дочь и гневно  
Грозил ей допоздна,  
Но понял, что царевна  
Решимости полна.

Да, понял хан жестокий:  
Сильнее эта страсть,  
Чем ласки и попреки,  
И мстительная власть.

## Х а н

Смирись! Конец обидам!  
Не мучь обоих нас!  
Я за Зейтуна выдам  
Тебя в счастливый час.

Блестящие наряды,  
Нет счета жемчугам!  
Служанки будут рады  
Упасть к твоим ногам!

Богата несказанно  
Поймешь, что мир хорош,  
С Зейтуном, сыном хана,  
Ты счастье обретешь.

И что ни день — все новый  
Верблюдов караван  
С алмазами, с обновой,  
С парчой из дальних стран.

## Д о ч ь

Я клятвы не нарушу.  
Не мучь меня, отец.

Оставь, оставь мне душу:  
Мне дал ее Творец!

К чему мне роскошь юга,  
Парча и бирюза?  
К чему вдали от друга  
Мне зрячие глаза?

С алмазами верблюды  
Пусть радуют других, —  
Пусть их прельщают груды  
Товаров дорогих.

Мне Бузжигит дороже  
Всех царских сыновей,  
Чем всей земли вельможи,  
Мне взор его милей!

Х а н

Дитя! В державе целой  
Ты мне — как солнце дня.  
Я очень стар. Не делай  
Посмешищем меня!

## Д о ч ь

Над сердцем я не властна,  
Прости меня, прости!  
Любовь моя злосчастлива,  
Нельзя меня спасти.

## Х а н

Последнее ли слово  
Сказала, не шутя?  
Что сделал я плохого  
Тебе, мое дитя?

## Д о ч ь

Ты дал мне жизнь, веселье,  
Я без забот росла.  
Ни разу мне доселе  
Не причинил ты зла.

Прости, даруй мне милость!  
Люблю тебя, отец,  
Но твердо я решилась  
Покинуть твой дворец.

Хан понял: страсть такая  
Одержит верх в борьбе.  
Остался он, вздыхая,  
А дочь пошла к себе.

Подумал хан-убийца:  
Опасен Бузжигит.  
Здесь кровь должна пролиться, —  
Да будет он убит.

Содеяли насилье  
Подвластные ему:  
Строителя схватили  
И бросили в тюрьму.

Его во мраке ночи  
Убили палачи...  
Не ведал старый зодчий,  
Что сын убит в ночи,

Что сердце Бузжигита —  
Падучая звезда,  
И вот в земле сокрыто  
То сердце навсегда.

Погибли эти руки,  
И мастерство, и дар,  
И зрелый свет науки,  
И сердца первый жар.

Как проклинали б камни,  
Имея голоса,  
Как плакали бы камни,  
Будь у камней глаза.

Земля, твоих рыданий  
Что может быть страшней?  
Он столько светлых зданий  
Возвел бы из камней!

Когда бы солнце знало,  
Насколько гнет жесток,  
Надел бы покрывало  
Печальное Восток.

Холодным льдом покрыты,  
Замолкли б родники,  
Известьем злым убиты,  
Увяли б цветники.

Узнав об этом горе,  
Засохли б дерева  
И почернела б вскоре  
Зеленая трава.

Увы, закрылись веки,  
Померкли звезды глаз,  
Для Зулейхи навеки  
Их гордый свет погас.

Возлюбленный не дышит,  
Она еще жива,  
Но больше не услышит  
Зовущие слова.

Пусть близко и далече  
Восславит мой рассказ  
Его дела и речи,  
И звезды чистых глаз.

Балкарский стихотворец,  
Кязим стихи творит, —  
Да знает каждый горец,  
Как умер Бузжигит.

Кто полюбил свободу,  
Кто светел был душой,  
Тот каждому народу —  
Родной, а не чужой!

Стиху всем сердцем верьте:  
Людей, чья жизнь прошла,  
Стих сохранит от смерти  
Заветы и дела.

7

Решив, что, Бузжигита  
Убив, он дочку спас,  
Что прошлое забыто, —  
Хан повелел тотчас:

«Устроить пир должны мы,  
В веселье — нет греха!»  
...О том, что мертв любимый,  
Не знает Зулейха.

На пир она явилась,  
Печальна и смутна.  
Что солнце дня затмилось,  
Не ведает она.

Спросила дочка хана:  
«К добру иль не к добру  
Вы собрались неожиданно  
Сегодня на пиру?»

### З у л е й х а

Что, если устремится  
На ваше торжество  
И звать начнет орлица  
Орленка своего, —

Скажите: к ней, несчастной,  
Орленок прилетит?  
Он с вами ли, — прекрасный  
Орленок Бужжигит?

### О д н и з т о л п ы

Несчастливая орлица,  
Рыдай, рыдай навзрыд:  
Средь нас не веселится  
Орленок Бужжигит!

## З у л е й х а

Овце нужна защита:  
Придет к вам поутру, —  
Ягненка Бузжигита  
Найдет ли на пиру?

### О д и н и з т о л п ы

О, не зови, родная!  
К тебе не прибежит,  
Овечка дорогая,  
Ягненок Бузжигит!

## З у л е й х а

Ответьте, мусульмане:  
Но где же верный друг?  
Глаза мои в тумане,  
Смертелен мой недуг!

### О д и н и з т о л п ы

Был схвачен твой любимый  
И умерщвлен в тюрьме.

Погас, неукротимый,  
Как молния во тьме.

...Не пряча в сердце рану, —  
Стал черен день, как ночь, —  
К отцу, к убийце-хану,  
В слезах явилась дочь.

### Х а н

Все на пиру расселись,  
А ты? Ты слезы льешь!  
Свою девичью прелесть  
Слезами ты убьешь!

### Д о ч ь

Тебе не дочь отныне,  
Я от тебя уйду.  
Смотри, земля в унынье,  
Весь мир познал беду!

Палач, убийца злобный,  
Ты враг мне с этих пор.  
Отец, тебе подобный,  
Для девушки — позор.

## Х а н

Дитя, не плачь от боли!  
Кто смерти избежит?  
Ведь сам, по божьей воле  
Скончался Бузжигит.

## Д о ч ь

Нет, дочерью, презренный,  
Меня ты не зови!  
Твой двор, твой сад и стены —  
В крови, в крови, в крови!

Твой дом — приют могильный,  
Где мертвые сердца.  
Нет у меня, бессильной,  
Ни дома, ни отца!

## Х а н

Две тысячи отменных  
Я дам тебе коней,  
Сто тысяч драгоценных  
Пришлю тебе камней.

Я с золотом верблюдов  
Сгоню к тебе во двор,  
И блеском изумрудов  
Ты свой утетиши взор!

### Д о ч ь

К чему, к чему мне камни  
И золото казны?  
Одежда не нужна мне  
И кони не нужны!

Мой светлый мир убили,  
Убили солнце дня:  
Оно лежит в могиле,  
К себе зовет меня!

### Х а н

Даруй мне, дочь, прощенье!  
Скончался Бузжигит,  
А мертвых возвращенье  
Живой не сотворит.

Живой скорбит о многом,  
А мертвый — мертв навек.

Могу ли спорить с богом  
Я, слабый человек?

Гробницу я построю,  
И Бузжигита прах  
В гробнице успокою  
У времени в руках.

8

И вот, как знатный воин,  
Сын зодчего лежит.  
Навеки успокоен  
В гробнице Бузжигит.

Но с Бузжигитом рядом  
Отцом погребена  
И дочери отрада,  
Надежда и весна.

Не слышали в столице,  
Что плачет Зулейха,  
Что заперлась в гробнице  
У гроба жениха.

Здесь, здесь – любимой место:  
Любовь зовет сюда!  
С возлюбленным невеста  
Осталась навсегда.

Жестокость разлучила  
Влюбленных молодых,  
Но спрятала могила  
Их, мертвых, от живых.

Никто с тех пор поныне  
Не смог открыть врата, –  
Прочней, чем все твердыни,  
Гробница заперта...

Познав судьбы суровость,  
Но движимы добром,  
Мы тоже нашу повесть  
На все замки запрем.

Влюбленные! Рыдая,  
Склоняется рассказ:  
Поэзия седая  
Оплакивает вас.

Пускай узнают горцы,  
Как, дни связав свои,  
Погибли ратоборцы  
Раздавленной любви.

Но, чтобы в человеке  
Свет мысли не погас,  
Огонь любви навеки  
Горит для нас — и в нас.

О нем, живом, победном,  
В любой своей строке  
Кязим поет на бедном  
Балкарском языке.

*1910–1917*

---

## О ПЕРЕВОДЕ

*Г. Яропольский*

### НА ПОЛЯХ ПЕРЕВОДОВ

Кязим Мечиев — это имя всегда произносилось с особым трепетом всеми моими друзьями-балкарцами. Мне, ознакомившемуся с его переводами на русский, это казалось не очень-то понятным. «Э-э, брат, — говорили мне, — это же всего лишь переводы!» И цитировали Маяковского: «И рад бы прочесть — не поймешь ни черта: по-русски — дрянь, переводы».

Неужели это действительно так? Дело в том, что, в отличие от некоторых, скажем так, снобов, я никогда не чурался переводной поэзии. Да, поэзия, по самой сути своей, непереводаема: это, как говорится, не силлабика. Но передать самый дух оригинала, я убежден в этом, вполне возможно. Чем должен обладать переводчик? Прежде всего, умением

понимать – и не только подлинник, но и подстрочник. Сколько копий было в свое время сломано в спорах о том, допустим ли перевод с подстрочника! Допустим тогда, полагаю я, если сам подстрочник сделан с душой, без перифразов, украшательства и т.п. Подстрочник должен быть гипсовой отливкой с подлинника, а задача переводчика в таком случае состоит в том, чтобы с помощью этой отливки воссоздать лицо автора.

Я совершенно согласен с мыслью Наума Гребнева насчет того, что для перевода совершенно необязательно точно следовать просодике неродственных языков. Всегда есть нечто, что имеет одно значение в одном языке и совершенно отличное – в другом. Надо искать максимально приближенных соответствий. Академический перевод – нонсенс. Как писал Семен Кирсанов: «Вы сохранили точность смысла, а вот поэта нет. Он смылся».

И мы решили попробовать. Первые подстрочники были предложены мне моим другом Хыйсой Джуртубаевым еще в начале 80-х годов прошлого века. Затем к этой неспешной работе присоединились М. Джуртубаев, А. Бегиев, позже – Т. Хаджиева и Э. Гуртуев. Иначе

говоря, образ Кязима остается рядом со мной на протяжении вот уже более двадцати лет, постепенно мне все более и более открываясь.

Ни для кого, пожалуй, не секрет, что в свое время из Кязима пытались сделать такого же «соцреалиста», певца колхозного строя, как, скажем, из Сулеймана Стальского. Время, однако, все расставляет по своим местам. Кязим – глубоко и тонко чувствующий человек, поэт, для которого нет четкой грани между лирикой и эпосом. Лицо у него всегда одно, он никогда не пел по чьим-то указкам.

Очень трудно говорить голосом человека, которому довелось стать голосом целого народа. Моя мать в 1993 году лежала в кардиологии и рассказывала мне, что ее соседка по палате, балкарка весьма почтенного возраста, каждое утро раскрывала томик Мечиева. Он помогал ей справиться с болезнью...

И если мои переводы хоть в какой-то мере соответствуют величавой простоте балкарского поэта, то это, главным образом, должно объясняться тем, что мне повезло с друзьями, равно как и тем, что за долгие (уже!) годы я сроднился с их чудесной землей, дающей миру таких поэтов, как Кязим.

---

*Р. Кучмезова*

**«КАК ПЕРЕДАТЬ ИСТИНУ,  
ЖИВУЩЮЮ СТОЛЬ МОЩНО?»**

От одного слова зависит подчас  
судьба перевода.

*Л. Гинзбург*

Поэт-классик, много переводивший больших поэтов, В. Брюсов писал: «...лирическое стихотворение образуется из целого ряда составных элементов – таковы: стиль языка, образы, размер и рифма, движение стиха, игра слогов и звуков. Называю только важнейшие элементы и называю условными именами... Воспроизвести при переводе стихотворения все эти элементы полно и точно – немислимо. Переводчик обычно стремится передать один, в лучшем случае два, изменив другие».\*

---

\* Брюсов В. Я. Фиалки в тигеле. М., 1975. С.104.

Мнение не бесспорно. Но, к сожалению в имеющихся на сегодня переводах Кязим действительно сохранен один элемент при упрощении и искажении других составляющих. Происходит это, конечно, не из-за «стремления» переводчиков. Язык Кязима – это живая система, первородная стихия, с редчайшей группой крови, не причимающая заменителей. Передать на другой язык можно только внешний слой, схему образов и мысли. Ритмический строй, интонацию, всегда несущую у поэта смыслоорганизующую нагрузку эмоциональную информацию, голос, живой, многослойный, неповторимый, который в подлиннике слышимый, осязаемый в каждом слове, – не передать самому чуткому, талантливому переводчику. Вся его поэзия подсвечена неуловимым, ускользающим от вычлениения глубинным светом национального духа.

Редкостная музыкальность поэзии Кязима обусловлена погружением и последующей передачей собственной мелодии событий, сюжетов, пейзажей, которые он воспроизводит.

В 1942 году на просьбу комиссии Союза писателей перевести книгу К. Кулиева «Горы мои» Б. Пастернак ответил отказом: «Я н

могу взяться за перевод стихов такой силы, не зная оригинала». И позже в письме Кулиеву уточнил: «Подлинность, чистота и сила Ваших оригиналов доходила через все подстрочные воспроизведения и передачи и, значит, она лежала не в привычной, повседневной прелести и документации народного речевого оборота, а перерастала их и коренилась в образном содержании»\*. Восприимчивый к подлинному и новому, Пастернак уловил незнакомую, первородную стихию, пульсирующую в торопливых подстрочниках, отправленных с передовой, и почувствовал неизвестную ему истину, мощь, музыку балкарского языка.

Поскольку в поэзии Кязима эти составляющие языка присутствуют в более кристаллизированном и прозрачном воплощении, чем у молодого Кулиева, то С. Липкину требовались бесстрашие и уверенность, когда он впервые взялся за переводы Мечиева. Задача у него была многотрудная и благородная. И по Брюсову, он с ней справился и один из элементов поэзии Кязима воспроизвел.

---

\* *Цит по:* Остаться в памяти людской. Нальчик, 1987. С. 328.

Как переводческое, так и оригинальное творчество С. Липкина – явление уникальное. Его повесть «Декада» и сегодня наиболее честное и глубокое произведение о депортации балкарского народа. Эта книга прочерчивает штрихи и масштаб личности автора, линии его биографии, благородство, совесть и отвагу его памяти. Знаток, друг тюркской культуры, переводчик, восприимчивый к иной звукописи, он, называя Кязима «великим старцем», удивился, полюбил его мир.

Перевод – пересечение и стечение множества обстоятельств. Возможно, они были неблагоприятными, и этим можно объяснить неудачи Липкина в переводах Кязима. Например:

Къарыусузгъа хайырым тийсин деп,  
Эски гюрбежимде темир тюеме.

Чтобы бессильному пользу какую-то принести,  
В старой своей кузнице железо кую.

*Подстрочный перевод*

Липкин перевел эти строки так:

Чтоб родину избавить от невзгод,  
Я в кузнице кую железо с жаром.

Переводчик не просто отдаляется от подлинника, он уничтожает его.

Кеме бла тенгизледен да ётдюм,  
Тюркню, Арабны халкъларын да кёрдюм.  
Хар къайда да жарлы жарлыча жашайд,  
Къарыулу къарыусузну этин ашайд.

В самих звуках – преодолеваемое пространство. Напряжение. Темперамент.

На корабле я моря прошел (преодоле),  
Увидел народы (людей) тюркские и арабские.  
Везде бедный живет, как бедный,  
Везде сильный питается плотью бессильного.

*Подстрочный перевод*

За строками стиха – долгий путь паломника, мучительные открытия, новый опыт.

Это же четверостишие у Липкина:

Избороздил я много бурных вод,  
Бывал у турков, ездил я к арабам.  
Бедняк повсюду как бедняк живет,  
И сильный измывается над слабым.

Невероятное для маршрута и времени Кязима «ездил к арабам» и туристически небреж-

ное «бывал у турков» удручает как искажением деталей, так и отстранением от духовной биографии поэта. Столь резкие неточности у Липкина пусть редко, но встречаются.

С. Липкин, блестящий мастер формы, улавливает рисунок стиха, неукоснительно следует за текстом подстрочника, но в итоге проступает только смутная тень Кязима:

Несчастный мой народ, я твой удел постиг,  
И чтоб тебе помочь, прочел я много книг.  
Читаю и пишу, и нет конца труду,  
Но счастье для тебя никак я не найду.

Вроде, смысл передан, сохранена и форма, но данная констатирующая и вялая интонация, искусственность, неубедительность признаний, бесцветность не имеют к Кязиму никакого отношения. И утверждение В. Левика: «Робкая приблизительность или точность всегда менее похожа на оригинал, чем смелая неточность», – иллюстрируют многие переводы Липкина.

Сожалеть о том, что и сегодня теория художественного перевода остается дискуссионной, наверное, не стоит. Для постижения и перевода подлинной поэзии теория требуется

в последнюю очередь. Но, при всей зыбкости, субъективности и противоречивости существующих идей в сфере гипотез о переводе, неоспорим тезис: индивидуальный стиль – внутренне целостная знаковая система. При переводе ее необходимо сохранить. В отношении Кязима это остается пожеланием будущим его переводчикам. Он «мыслитель в поэзии», и это – стержень его системы.

О другом поэте – Тициане Табидзе писал В. Леонович: «...мыслит не тот, кто рассуждает в стихах, а тот, чья судьба уже есть мысль о времени, кто мыслит поступками. Чей образ жизни есть образ мысли. И это – явления одной поэтической природы. Легенда и загадка окружают это имя. Мыслит не тот, кто делает умозаключения, но тот, кто оставляет читателю выстраданную систему ценностей»\*. Эти слова могут быть отнесены и к Кязиму, так емко и точно выражают они суть его и человеческой, и поэтической природы. И в оригинале подчиняет, волнует именно присутствие этой цельности, подлинности.

---

\* Художественный перевод – проблемы и суждения. М., 1986. С. 142.

Сложно понять, как Г. Яропольский не изумился «особому состоянию» слов в стихотворении «1914 год». Оно связано с началом Первой мировой войны, пронизано провидческим напряжением и драматизмом, и уже появление в переводе отсутствующих в оригинале строк, вроде «разрушается мир почему зря» и восклицание «а солнце – взойдет!», рассыпают стихотворение. Но если и допустить, что смысловое наполнение стихотворения могло оставить переводчика равнодушным, то экспериментатора, виртуозного мастера формы, каковым Г. Яропольский является, должна была заворожить полнота, информативность, богатство ритма, его движение в данном стихотворении.

Дунягъа келгенд къара кюн,  
Кёп бушуу берген – къара кюн,  
Сыйыт этдирген – къара кюн,  
Жерни кюйдюрген – къара кюн.

В мир пришел черный день,  
Много горя принесший – черный день,  
Выть, причитать заставивший – черный день,  
Землю всю обжегший – черный день.

*Подстрочный перевод*

Гладкопись и беструдная замена «неслышанной простоты», многозвучия и мощи банальными сравнениями крайне примитивизируют это стихотворение у Яропольского:

Черный день наступил на земле:  
Даже солнце как будто в золе,  
Черный день к нам пришел, как палач,  
И повсюду царит только плач.

«В конце концов каждый поэт отвечает за себя. Переводчик же отвечает за другого. Если он из-за того, что он – переводчик, берет на себя больше того, что он может выполнить как мастер, то совершается преступление одновременно политическое и уголовное.

Переводимый классик, чтимый у себя на родине, предстает перед нашим читателем в таком виде, что начинаешь думать худое не только о поэте, но и культуре народа, который такого поэта может любить и почитать»\*, – жестко и верно заметил А. Гитович.

Яропольский, безусловно, мастер, он талантливый и самобытный поэт, и у него много

---

\* Гитович А. Мастерство перевода. М., 1970. С. 369.

переводческих удач, но, к сожалению, этого не сказать о переводе одного из последних стихотворений Кязима, написанных перед смертью, под жерновами геноцида, — «Таукел этейик биз бюгюн». Величие, человеческая и творческая сущность, душа и мысль Кязима в этом стихотворении выступают особенно ярко и ошеломляют силой духа.

Именно в этом стихотворении Кязим находит слова поддержки для всего народа. Каждое слово — единственно, весомо, точно. Проповедь, мольба, прощание, завещание — без причитаний и вопросов. Только дух, его мощь, его тепло, его печаль и вера.

Статья В. Леоновича «Переводчик, сломай карандаш!» была открытием. В ней анатомируется искусство перевода и высекаются формулы, определяющие, при каких данных великая национальная поэзия переводима. Она объяснила мне, в чем причина поражения переводчиков Кязима.

«Если я угадал причину, творческое движение, то уж, наверно, скажу, что хотел сказать иной поэт. Я могу заблудиться — но я не должен нести меньше, чем несет мой поэт, его

подлинность требует моей подлинности. Отвечать друг другу таким образом – радость.

Если оригинал бесконечен, если его умный звук распространился по времени, то изволь сочинить нечто такое, что обладает всеми достоинствами оригинала, а если что при этом утратишь, то возмести сторицей.

Воссоздавая источник, отыскивая в себе ту самую причину подлинника и освобождая затем сокровенную жизнь его, не надо мешать. Вольность переводчика состоит в огромном уважении к жизни слова».

Блестящая, концентрированная теория перевода представлена в приведенных словах. Все невозможности, препятствия смягчаются или устраняются, если переводчик встретился со своим поэтом. И тогда проясняется замысел и импульс слов, музыки. Тогда обнаруживаются силы «нести то, что несет другой поэт».

Остается признать, что донныне такого собеседника, исповедника и соратника Кязим не встретил. Но он непременно появится.

## СОДЕРЖАНИЕ

Талант и мудрость. *К. Кулиев* . . . . . 5

### Стихотворения

#### I

#### *Переводы Семена Липкина*

«К тебе я хотел перебраться в челне...» . . . . .	25
«Холмик мы не приравняем к скалам...» . . . . .	26
«Чую твоего жилья тепло...» . . . . .	26
<b>Жалоба</b> . . . . .	27
Сетования девушки . . . . .	30
«Храбрость острее любого кинжала...» . . . . .	31
«Только вышел я из сакли на заре...» . . . . .	32
«Я слагаю стихи и железо кую...» . . . . .	33
Хорошее слово . . . . .	34
Моему псу . . . . .	36
Завещание сыну . . . . .	38
Воробей, который зимою сел на нашем дворе . . . . .	39
Хвастливому княжичу . . . . .	41
«Входит в наши аулы гуман из ущелий...» . . . . .	42
«Я сравню тебя с моей стрелой...» . . . . .	43
«Порою на вершине снег блистает...» . . . . .	44
«Если дождь прошел и даль светла...» . . . . .	45
«Серый камень сорвался с утеса...» . . . . .	46
«Избороздил я много бурных вод...» . . . . .	47
«Горя много, счастья мало, путь тяжел...» . . . . .	48
«Если б знал, где для родины счастье найти...» . . . . .	49
«Багдад посетил я, увидел Стамбул...» . . . . .	50

«Мир – тяжкая тропа, где скорбь и горе...» . . .	51
«У турков, арабов проделав скитаний круги...»	52
Строки письма, посланного домой из Аравии .	53
«Свое метнул я слово, как стрелу...» . . . . .	54
«Мы овцы. Ближе, ближе стая волчья...» . . . .	55
«Чтоб родину избавить от невзгод...» . . . . .	56
«Скорбит земля родная, плачут реки...» . . . .	57
Мать охотника . . . . .	58
Колыбельная песня . . . . .	60
Труженику . . . . .	62
«Несчастный мой народ, я твой удел постиг...»	64
«Шумя, с отвесных гор сбегают вниз потоки...»	65
«Сегодня князь Суююнч Ахмата-бедняка...» .	66
Правда . . . . .	67
Стихи, сказанные одинокой иве у горной реки	69
«В аулы к нам беда легко находит путь...» . . .	71
Что мне делать? . . . . .	72
«Стал мрачен свод небес, над саклями навис-	
ший...» . . . . .	73
«Кязим, к чему твой стон и вздох глубокий?...»	74
«Немало горьких слов ты людям даровал...» .	75
1914 год . . . . .	76
«Да будут прокляты насильники стократ...» .	78
«Кругом жестокий вихрь, тяжелый снегопад...»	79
«Идет в ауле дождь, блестя, шумя, струясь...»	80
«В трубу моей сакли падает черный снег...» . .	81
«Кинжальных ран и пулевых не счесть на на-	
шем теле...» . . . . .	82
Моя старая сакля . . . . .	83
«Толкуют о царе, о войске говорят...» . . . . .	85
Сыну Мухаммаду . . . . .	86

Разговор со старостью . . . . .	88
«Послушайте, люди, что скажет Кязим...» . . .	91
«Нагрянет смерть, – мой пес мне лаем не по- может...» . . . . .	92
Моя корова . . . . .	93

## II

### *Переводы Георгия Яропольского*

«Рассудка лишившись, на звезды взираю...» . . .	94
«Твой отец заходил как-то раз...» . . . . .	95
«На челноке к тебе тянулся...» . . . . .	96
«На твой поглядывая двор...» . . . . .	97
Когда приходит в этот мир любовь . . . . .	98
«Богачу ты даруешь всего с изобильем...» . . .	101
«Наши пашни – одни валуны...» . . . . .	102
«Было время – любовь даром счастья была..»	103
«Пусть ты хадж совершишь хоть и тысячу раз...» . . . . .	104
«Мир – крутая тропа. Оступившимся – горе...»	105
«Мир полон горя, радость же – редка...» . . .	106
«Если камень сорвется в ущелье...» . . . . .	107
«Молодость, стрелой ты была...» . . . . .	108
«Взнуздав я духом плоть свою худую...» . . .	109
«Легко в горах находит путь беда...» . . . . .	111
1914 год . . . . .	112
«Все, как и прежде. До поры состарюсь...» . . .	114
«Неправедно, неправо наше дело!..» . . . . .	115
На кладбище в Безенги . . . . .	117
«Как же вышло так, Хажибекир?..» . . . . .	122

«Смирюсь ли я с трескучим этим вздором?..»	125
«Я — часть живого. Жил. Горел светильник...»	126
Завещание . . . . .	128
Не падайте духом . . . . .	129

### Поэмы

Раненый тур. <i>Перевод С. Липкина</i> . . . . .	135
Желтый кош. <i>Перевод Г. Яропольского</i> . . . . .	152
Бужигит. <i>Перевод С. Липкина</i> . . . . .	190

### О переводе

<i>Г. Яропольский</i> . На полях переводов . . . . .	222
<i>Р. Кучмезова</i> . «Как передать истину, живущую столь мощно?» . . . . .	225

ISBN 978-5-7680-2267-9



Литературно-художественное издание

**Мечнев Кязим Беккиевич**

**РАЗУМ И ГОЛОС**

Стихотворения и поэмы

Составитель **А. М. Бегиев**

Редактор *Дж. П. Кошубаев*. Художник *З. Ю. Алиев*.  
Художественный редактор *Ю. М. Алиев*. Технический редактор *Л. А. Тлупова*. Корректор *Л. Л. Молова*. Компьютерная верстка *А. З. Тхаитловой*. Подписано к печати 10.09.09. Формат 84x108<sup>1/64</sup>. Бумага офсетная №1. Гарнитура школьная. Печать офсетная. Усл.печ.л. 6,3. Уч - изд.л. 4,96. Тираж 500 экз. Заказ №154. ГУ «Издательство «Эльбрус». Нальчик, ул. Адмирала Головки, 6. ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 года» Министерства по информационным коммуникациям, работе с общественными объединениями и делам молодежи КБР. Нальчик, пр. Ленина. 33